

ПРОИСХОЖДЕНИЕ РУССКО-УКРАИНСКОГО ДВУЯЗЫЧИЯ НА УКРАИНЕ

1. Вместо предисловия

Первый выпуск этой книги был осуществлен в начале 1998 года тиражом всего 1000 экземпляров. Тем не менее, она получила широкую известность и мне до сих пор еще продолжают звонить благодарные читатели. От них я узнал, что книга ксерокопируется и распространяется даже в западных областях, где радикальный национализм все еще сохраняет свои позиции.

Все это демонстрирует обеспокоенность людей продолжающимся шовинистическим наступлением в нашей стране на естественное право абсолютного большинства граждан свободно разговаривать, получать образование и обучать своих детей на родном рус-

ском языке, который, как показано в этой книге, является коренным, изначальным языком этой земли.

Естественно, те граждане, для которых родным является другая форма нашего языка, сформировавшаяся вследствие длительного воздействия польской культуры (украинский язык), должны точно так же свободно разговаривать, получать образование и обучать своих детей на своем родном украинском языке. Все это должно быть добровольно и ненасильственно, без малейшего ущемления ни одного из двух наших исторических языков. Только при таких условиях и возможно строительство новой демократической Украины, в которой будут соблюдаться права человека, где люди будут ощущать себя свободными, будут гордиться своей страной и всячески содействовать ее духовному развитию и материальному процветанию.

Но, к сожалению, есть у нас некая немногочисленная, но чрезвычайно крикливая прослойка людей, считающих ущемление наших природных прав на родной язык своей, чуть ли не основной профессиональной обязанностью. Пользуясь материальной поддержкой заокеанских заказчиков и вдохновителей разрушение векового единства братских народов, они развернули шумную кампанию по раздуванию вражды к русскоязычному населению, разжиганию межнациональной розни.

Для «научного» обоснования своих подрывных, разрушительных для государства деяний, они сочинили и продолжают сочинять массу всевозможных баек

об украинском народе-страдальце, которого всегда и все угнетали; о жутких колониальных страданиях в составе «импэрии»; о преследованиях украинской мовы еще со времен Киевской Руси; о глубокой древности украинского языка, который будто бы был занесен на Землю с Венеры и стал основой всех мировых языков; о генетической противоположности украинского и русского народов и их исторической враждебности друг к другу; о дремучем невежестве «москалей» и просветителях-украинцах, давших им зачатки культуры; о неславянском происхождении русского народа; об украиноязычии библейских персонажей; об открытии Америки украинскими казаками и т.д. и т.п.

И все это ради того, чтобы доказать насущную необходимость срочного изгнания из Украины русского языка!

Я ожидал, что наши национал-шовинисты, узнав, что кроме их собственной существует ещё и другая точка зрения на языковую проблему на Украине, встретят мою книгу в штыки и постараются как-то опорить ее основные тезисы о происхождении существующего ныне двуязычия задолго до воссоединения Малороссии с Россией.

Я был готов собрать, обобщить и еще раз доказать полную несостоятельность националистических измышлений о чужеродности и враждебности для нас нашего же родного русского языка, о колоссальных выгодах отречения от него и перехода всем без исключения на украинскую мову. Но, как оказалось, я сильно

переоценил их полемические способности: в печати так и не появилось ни одной публикации, направленной против моей книги.

Что ж, это молчание вполне можно расценивать как знак вынужденного согласия, а точнее, как признак отсутствия сколько-нибудь существенных контраргументов. Лишь на заседании Верховного Совета Украины 28 октября 1998 года пан Чорновол в свойственном ему патетически-надрывном тоне заявил, что за написание таких книг, как моя, в «нормальной державе» было бы открыто судебное рассмотрение. Я уж не говорю о характере самого «аргумента»: за филологическое исследование – к суду. Интересно то, что наш пылкий «патриот» не считает Украину «нормальной державой»!

Таким образом, горькую пилюлю правды о происхождении русско-украинского двуязычия на Украине не из-за вымышленной «русификации», а вследствие продолжительного польского господства на отторгнутой от Руси ее юго-западной части, наши национал-шовинисты проглотили молча и нам остается лишь надеяться, что это лекарство подействует на них отрезвляюще.

Подготавливая книгу ко второму изданию, я постарался исключить из ее текста все, что было написано в полемическом задоре и, по сути, мало что добавляло для раскрытия основной идеи. Одновременно пришлось кое-что исправить и дополнить с учетом дальнейшего развития языковой проблемы.

Работая над переводами интересующих меня материалов из польских источников, я очень часто обращал внимание на то, что множество польских слов звучат точно так же, как и соответствующие им слова нашего украинского языка. Заинтересовавшись, в конце концов, причиной такого сходства, я решил обратиться к языковедческой литературе и с немалым удивлением обнаружил, что факт этот никем из наших филологов не только никак не объяснен, но даже вообще ни разу не упомянут! Все это показалось мне странным. Я почувствовал, что это неспроста, что здесь кроется какая-то тайна, о которой наши филологи распространяться не любят. Ведь наличие в украинском языке очень большого количества слов, разительно схожих с польскими, слишком очевидно, чтобы не быть замеченным.

С тех пор я стал специально искать и изучать все публикации, посвященные истории украинского языка. И, надо сказать, обнаружил немало удивительных вещей! Чтобы поточнее показать, какие взгляды на происхождение украинского языка распространяются сейчас средствами массовой информации Украины, приведу несколько характерных примеров.

«Украинский язык – один из древнейших языков мира... Есть все основания полагать, что уже в начале нашего летосчисления он был межплеменным языком»¹

¹ «Украинский язык для начинающих». Киев, 1992.

«Таким образом, у нас есть основания считать, что Овидий писал стихи на древнем украинском языке»²

«Вполне возможно, что украинская лексика... несла терминологические, колонизационные, жизнеутверждающие заряды на все четыре стороны Света-Первокрая, осваивая и оплодотворяя иноязычные и малоязычные территории... Мы можем допустить, что украинский язык стал одной из живых основ санскрита... Украинский язык – допотопный, язык Ноя, самый древний язык в мире, от которого произошли кавказско-яфетические, прахамитские и прасемитские группы языков»³.

«Украинская мифология – наидревнейшая в мире. Она стала основой всех индоевропейских мифологий точно так же, как древний украинский язык – санскрит – стал праматерью всех индоевропейских языков».⁴

«В основе санскрита лежит какой-то загадочный язык «сансар», занесенный на нашу планету с Венеры. Не об украинском ли языке идет речь?»⁵

Читая все это, я искренне и добросовестно пытался понять, что побуждало приведенных выше авторов выдумывать и публиковать всю эту чепуху. И не мог! Но тут мне вдруг повезло: четкий ответ на мой вопрос дала Всеукраинская научная конференция на тему «Украинский язык как фактор формирования национального самосознания молодежи», проходившая во Львовском государственном университете 2–3 марта 1995 г.

² Э. Гнаткевич «От Геродота до Фотия». Вечерний Киев, 26.01.93.

³ Б. Чепурко Украинцы». Журнал «Основа» №3, Киев, 1993.

⁴ С. Плачинда «Словарь древне-украинской мифологии». Киев, 1993.

⁵ А. Братко-Кутынский «Феномен Украины». Вечерний Киев, 27.06.95.

Научная конференция определила решающую роль языковедческих работ ученых «как источника патриотического воспитания, формирования исторической памяти в процессе преподавания украинского языка».

При такой постановке задачи, разумеется, нет необходимости выяснять, откуда и когда появилось в украинском языке так много слов, удивительно похожих на польские и в то же время начисто отсутствующих в родственном русском языке, а то ведь может вдруг выясниться картина, мало подходящая для «патриотического воспитания». Для этого больше подходит идея об украиноязычии Ноя и Овидия, о живой украинской основе мертвого языка санскрит...

Есть, разумеется, на Украине и серьезные филологические работы. Но, как мы увидим далее, они по своей сути мало чем отличаются от утверждений вышеприведенных авторов, так как основаны на абсолютно бездоказательном утверждении о широком распространении украинского языка уже во времена Киевской Руси.

Не найдя, таким образом, в украинской филологической литературе ответа на интересующий меня вопрос о происхождении имеющихся в украинском языке огромного количества полонизмов, я решил сам докопаться до истины.

С увлечением принялся я штудировать древнерусские тексты, пытаюсь отыскать ответ на главный вопрос: где истоки украинского языка, когда и почему

возникли различия между украинским и русским языками, и почему именно те слова, которые отличают украинский язык от русского, так похожи на слова из польской лексики?

Одновременно с изучением древних текстов пришлось также основательно разобраться и в истории древнерусского государства, понять причины его гибели и проследить дальнейшую судьбу разрозненных его частей. В результате вырисовалась вполне ясная и хорошо аргументированная версия возникновения и развития украинского языка, никем еще не описанная.

Как раз в это время газета «Литературная Украина» от 29.09.1994 г. напечатала статью канадского гражданина украинского происхождения Петра Кравчука, который взялся стращать нас катастрофическими последствиями предоставления русскому языку на Украине статуса второго официального языка.

Не зная истинной картины исторически сложившегося очень широкого распространения в нашей стране русского языка, этот иностранный пан поставил его в один ряд с этническими языками таких национальных меньшинств на Украине, как болгары, греки, евреи, немцы и т. д.

Воспользовавшись этой публикацией как предлогом, я написал «Открытое письмо канадскому украинцу Петру Кравчуку», в котором изложил свои соображения о происхождении у нас русско-украинского дву-

язычия и исторической недопустимости дискриминации русского языка на Украине.

Изготовив несколько ксерокопий «Письма», я решил послать их в украиноязычные газеты (статья была написана на украинском языке). Все они дружно проигнорировали мое сочинение и лишь «Вечерний Киев», на который я рассчитывал менее всего из-за его крайней русофобии, в своем номере от 25 ноября 1994 года вдруг опубликовал мое «Открытое письмо».

При этом, однако, газета без моего ведома и согласия снабдила материал неожиданным заголовком: «Нэ штовхайтэ нас на зраду» (Не толкайте нас на измену). Этот провокационный заголовок в дальнейшем послужил причиной дополнительных злобных нападок на меня со стороны украинских националистов.

Я, конечно, отлично понимал, что эта газета напечатала мой материал отнюдь не для выяснения истоков нашего нынешнего двуязычия, а лишь для того, чтобы националистически настроенные филологи, писатели и поэты получили подходящий предлог для решительного боя с нами, сторонниками сохранения на Украине исторически сложившегося двуязычия.

И уж будьте уверены, эти персонажи в полной мере воспользовались предоставленной им возможностью и выплеснули на мою скромную персону потоки самых изощренных оскорблений. Заодно досталось и русскому народу, и России, которая в наших средст-

вах массовой информации ныне именуется не иначе как «импэрия».

Привожу текст моей статьи с некоторыми незначительными уточнениями и в собственном переводе с украинского на русский язык.

Многоуважаемый пан Кравчук! В своей статье, опубликованной в газете "Литературная Украина" 29 сентября 1994 г., Вы предостерегаете нас, граждан Украины от опасных последствий предоставления русскому языку статуса второго официального языка, так как этот шаг, по Вашему мнению, приведет к тому, что "...Украина, не выйдя из экономического кризиса, попадет по вине Президента Леонида Кучмы в кризис отношений между разнонациональным населением страны, который может вызвать катастрофу Украинской державы".

Я уж не говорю о том, что намерение предоставить русскому языку соответствующий его реальному положению статус – не простой каприз Л. Кучмы, а требование огромного количества украинских граждан, для которых русский язык является родным. Эти люди, поверив предвыборным заверениям, отдали Л. Кучме на президентских выборах свои голоса, сделали его президентом и с тех пор все еще ожидают от него выполнения своих обязательств.

Прежде всего меня интересует, чем Вы, житель двуязычной Канады можете объяснить, почему в этой стране давнее двуязычие не вызвало той катастрофы, которую Вы предрекаете Украине? Почему лично Вы, живя в англо-французской языковой среде, сохранили свой этнический украинский язык, а украиноязычные граждане Украины его непременно утратят, если рядом будет звучать и русская речь? Что может заставить человека забыть украинский язык, ведь Украина больше не подчиняется «імперському центру»? Почему для того, чтобы одни продолжали сохранять свой этнический язык (украинский), другие, точно такие же равноправные граждане Украины, обяза-

тельно должны отказаться от своего родного языка, языка своих отцов, дедов и прадедов – русского языка? Извините, но логики в Ваших соображениях и предостережениях не много.

Вот Вы, например, пишете: «Возникает вопрос: почему только русским следует предоставить такой статус? Почему не предоставить тогда его полякам, евреям, грекам, венграм, немцам и другим национальным меньшинствам? У них тоже есть их родной язык. Разве они хуже?»

Согласен с Вами, они не хуже и не лучше других. Но позвольте, почему Вы смешиваете понятия «родной язык» с национальным, точнее этническим? Неужели нужно доказывать элементарное, очевидное: родной язык не обязательно должен быть этническим! Спросите, скажем, у киевского или одесского еврея, какой у него родной язык. И в ответ услышите, что не идиш, не иврит и даже не украинский, а только русский язык. Точно также ответят Вам и украинские поляки, греки, венгры, немцы...

И вообще, если Ваш вопрос не риторический, и Вы действительно хотите знать, почему не польский, еврейский, греческий, венгерский или какой-либо другой язык следует принять вторым официальным языком Украины, а именно русский, я постараюсь ответить.

Сразу видно, что Вы не очень хорошо разбираетесь в истории Украины, если вообще ставите подобный вопрос. Должно быть, Вы разделяете точку зрения тех фальсификаторов отечественной истории, которые утверждают, что в некие прежние времена на Украине все разговаривали только на украинском языке, а потом, после достопамятного 1654 года хитрые и коварные «москальи» развернули решительную кампанию по навязыванию доверчивым украинцам чуждого им, иностранного русского языка. Наверное, Вы будете удивлены, если я скажу, что на территории Украины таких времен никогда не было!

Историческая реальность заключается в том, что русский язык всегда был широко распространен на Украине и истоки его теряются где-то в глубокой древности. Это лишь сейчас, когда

национализм и политическая конъюнктура достигли у нас невиданного размаха, наш древний русский язык стал именоваться чуждым и иностранным. На самом деле он не чуждый и не иностранный, а родной язык двух третей населения Украины.

Подозреваю, что мои слова вряд ли Вас убедят, поэтому сошлюсь на мнение известного украинского литератора Валерия Шевчука, который писал: «Я так понимаю, что был древний книжно-русский язык. Им пользовались киевские князья, деятели Украины-Руси времен союза с Литвой, наши ученые мужи периода становления и расцвета Гетьманщины. Во времена Петра I этот язык был окончательно присвоен, вывезен на север. Он и стал основой современного русского языка».⁶

Вот видите, пан Кравчук, ваш единомышленник подтверждает и без того очевидное, что русский язык был в употреблении на наших землях еще задолго до воссоединения с Россией, и «москали» здесь не при чем. Правда, далее пан Шевчук указывает, что «книжно-русский» язык был только лишь письменный, а между собою люди в те древние времена разговаривали исключительно на украинском языке!

На чём, однако, основана уверенность, что в те времена было принято разговаривать на украинском, а писать на некоем «книжно-русском», как это безапелляционно заявляет пан Шевчук? Ведь не существует никаких сколько-нибудь убедительных доказательств того, что язык бессмертного «Слова о полку Игореве», «Повести временных лет», надписей на стенах храмов, пещер и глиняных сосудах, на берегах,

⁶ «Вечерний Киев», 04.03.93.

монетах и печатях (граффити) в чем-то отличался от живого, устного языка наших предков.

Чтобы утверждать такое отличие, нужно хоть раз услышать тот устный простонародный, якобы украинский язык. Но Вы сами понимаете, что сделать это никак невозможно, ибо до изобретения звукозаписи было еще слишком далеко. А раз невозможно, то безапелляционное утверждение отличия уступает место предположению, в которое можно либо верить, либо нет. Я – не верю.

Убежден, что древнерусский письменный и устный языки были настолько близки, что вполне можно высказать уверенность, что наши предки – жители Киевской Руси – как говорили, так и писали.

«Таким образом, на момент принятия христианства и широкого развития культуры язык восточных славян отличался фонетическим, грамматическим и лексическим единством на огромной территории его распространения... Следовательно, язык Киевской Руси XI-XII ст. можно изучать по многочисленным письменным документам. Они в определенной степени отражали живой язык русского населения того времени».⁷

Видите, вопреки утверждению литератора В. Шевчука ученый В. Русановский не усматривает существенной разницы между «книжно-русским» и живым устным языком. Точно такого же мнения придерживался и академик И.И. Срезневский. Это был один язык, которым пользовались не только князья,

⁷ В. М. Русановский «Происхождение и развитие восточнославянских языков». Киев, 1980, с. 14–23.

ученые мужи и т. п., но и все слои населения всей Русской земли.

Тут Вы, пан Кравчук, можете мне возразить: как же можно утверждать, что и на юге, и на севере разговаривали на одном древнерусском языке, если сейчас на Украине употребляют украинский, а в России русский язык? Между двумя этими родственными языками имеются очень существенные различия. Откуда эти различия взялись, если раньше разговаривали везде на одном языке? Это очень хороший и дельный вопрос, но я знаю, как на него ответить.

Во-первых, никто и не утверждает, что язык новгородских и киевских жителей был в точности одинаков. Нет, местные диалектные отличия, безусловно, существовали. Но эти местные диалектные отличия ни в коей мере не дают основания для того, чтобы говорить о разных языках.

«Восточные славяне древнерусский язык считали единым для всей своей народности».⁸

«В связи с формированием древнерусской народности, складывался и общий по своему происхождению, характеру живой язык этой народности, который на разных славянских землях имел местную окраску, диалектные отличия. Древнерусский литературный язык развивался на общенародной восточнославянской языковой основе».⁹

Чтобы уяснить, что же привело в последующем к возникновению заметных отличий между украин-

⁸ В.В. Нимчук "Происхождение и развитие языка украинской народности". Киев, 1990.

⁹ К.Г. Гуслистый "К вопросу о формировании украинской нации". Киев, 1967, с. 6.

ским и русским языками, одних местных диалектных отличий явно мало, тем более что с принятием христианства и обретением письменности возникла мощная тенденция к размыванию и нивелированию диалектных черт, к унификации языка на разных землях Киевской Руси. Существовал, без сомнения, некий механизм, или процесс, который, по какой-то причине возникнув и окрепнув, постепенно привел к нынешним отличиям между русским украинским языками.

Вновь цитирую В. М. Русановского:

«Древнерусский язык далек от специфики современных украинских говоров, и нужно поэтому признать, что словарь последних во всем существенном, что отличает его от великорусских говоров, образовался в позднейшее время».¹⁰

Что же это был за механизм и когда он начал действовать, продуцируя и наслаивая отличия между украинским и русским языками? Не сомневаюсь, что Виталий Макарович Русановский знает это очень хорошо. И, тем не менее, он никак не уточняет это «позднейшее время».

Здесь, я думаю, мы имеем дело с одним из самых жестких табу, когда-либо существовавших в науке: в украинской филологии действует негласный запрет не только ссылаться, но даже и упоминать это самое «позднейшее время». Но я не ученый-языковед, и поэтому не обязан считаться с этим вредоносным для науки запретом, мешающим представить историю возникновения украинского языка в истинном свете.

¹⁰ Там же, с. 27.

Давайте сначала посмотрим, чем отличается современный украинский язык от современного русского. Оставим в стороне такие не очень существенные в данном случае признаки вроде манеры произношения некоторых звуков и констатируем лишь главное: основные отличия заключаются в том, что в украинском языке для обозначения некоторых предметов и понятий применяются другие, непохожие на русские слова.

Вот для примера несколько таких слов: випадок – случай, влох – итальянец, коштовный – ценный, дзьоб – клюв, затока – залив, зухва́листь – дерзость, чэка́ты – ждать, нэди́ля – воскресенье, поса́да – должность... Таких примеров можно было бы привести множество.

Спрашивается, откуда, из какого источника и когда попали все эти странные слова в украинский язык и почему они миновали русский? Человеку непредвзятому, ставящему научную добросовестность выше национально-патриотических или политических соображений, ответить на этот вопрос нетрудно, ведь сразу обращает на себя внимание то, что почти все специфически украинские слова, то есть те, что отличают украинский язык от русского, имеют польское происхождение.

Вот, скажем, как звучат на польском языке слова из вышеперечисленного примера: wypadek, wloch, kosztowny, dziob, zatoka, zuchwałość, czekać, niedziela, posada... Вот вам и расшифровка таинственного поня-

тия «позднейшее время»: это более чем трехсотлетнее польское господство над отторгнутой юго-западной частью бывшей славянской державы Русская земля (Русь, Киевская Русь). Именно в этот исторический период, а не в допотопные времена, образовались значительные лексические отличия украинских говоров от великорусских, как справедливо указывал В.М. Русановский. Это и был тот самый механизм или процесс, о котором я писал выше и который я называю «украинизацией» славяно-русского языка (по сути же элементарным ополячиванием).

Следовательно, появление и развитие украинского языка нельзя датировать ранее начала действия механизма (процесса) ополячивания славянорусского языка. Можно, конечно, встать на путь весьма «патриотического», но с научной точки зрения абсолютно бессмысленного утверждения, будто и санскрит, и все славянские, да и все индоевропейские языки произошли от украинского, что Ной разговаривал, а Овидий писал стихи на украинском языке и т. п. Но давайте будем не «патриотами», а реалистами. А реальность, нравится она или нет, заключается в том, что несколько столетий польского господства не могли не оставить ощутимого следа в языке покоренного народа.

Если бы наши лингвисты не испытывали ложного стыда перед этой объективной исторической реальностью, они легко могли бы установить этапы и темпы украинизации славяно-русского языка, ведь только совсем уж слепой не видит, что чем старше письменный

документ, тем меньше его язык напоминает украинский. Они бы поняли, что «украинизация» нашего языка происходила во времени так медленно и незаметно, что люди, которые уже разговаривали на вполне сформировавшемся украинском языке, по-прежнему считали и называли его русским.

Итак, возникновение украинского языка – это печальное последствие полонизации бытовавшего в Южной Руси коренного славяно-русского языка. Но почему получилось так, что полонизированная «мова» распространилась преимущественно в сельских местностях, в то время как в городах продолжал сохраняться славяно-русский язык?

Знаю, знаю, пан Кравчук, тут Вы непременно воскликните: «Так это же вследствие русификации!» О русификации поговорим дальше, а сейчас лишь отмечу, что постоянно твердить о мнимой русификации и полностью замалчивать предшествующую ей действительную полонизацию нашего языка – значит вполне сознательно отказываться от реальной действительности, от правдивого освещения истории возникновения украинского языка в угоду националистическим воззрениям.

Для того, чтобы четко уяснить, почему украинский язык распространился преимущественно в сельских местностях, придется вспомнить некоторые вехи нашей истории, начиная с того момента, когда земли бывшей Руси оказались разорванными между татаро-монголами, литовцами и поляками. Юго-

западная часть державы, получившая впоследствии название Малая Русь, оказалась вначале под литовским, а затем под польским господством.

«Русская народность сразу же попала в тяжкую зависимость от польской народности... Эта Русь подчинилась польским законам, а, следовательно, и влиянию польской культуры. Объединение с Польшей вызвало глубокие изменения в жизненном укладе южнорусского общества. Южнорусское население края почти полностью превратилось в зависимых, крепостных земледельцев... Самым характерным было то, что из Польши на Украину настезь распахнулись двери и сюда хлынула шляхта, как и два столетия тому она хлынула на Галичину... На начало XVII столетия заселение Украины так усилилось, что польские писатели называют ее «добычей польского плуга».¹¹

Или вот еще цитата:

«Нахлынула масса мелкой шляхты в роли панских администраторов, управителей поместий, арендаторов».¹²

Таким образом, русский крестьянин оказался в полной зависимости от польского пана. Вот именно с этого времени и началось активное формирование всех тех характерных признаков, которые постепенно сделали наш украинский язык отличающимся от великорусского языка.

Профессор Гарвардского университета в США украинец Омелян Прицак писал:

«Когда нет письменности, люди скорее меняют язык, чем когда она есть».¹³

¹¹ А.Я. Ефименко «История Украины и ее народа». Киев, 1992, с. 39, 45, 73, 82, 83.

¹² Д. Дорошенко «Очерк истории Украины». Киев, 1991, т. 1, с. 142.

Естественно, русский крестьянин тех времен ни читать, ни писать не умел. Польский землевладелец общался с ним через свою многочисленную челядь на своем польском языке, так как наивно было бы предполагать, что надменные польские хозяева специально стали бы изучать славяно-русский язык для лучшего взаимопонимания с крепостным, бесправным и неграмотным русским крестьянином. Напротив, именно русскому крестьянину невольно приходилось приспосабливаться к языку своих полноправных хозяев, от которых целиком зависело его существование.

И вот эта практическая, насущная необходимость употребления польского языка способствовала его усвоению и, в конце концов, подсознательному смешиванию со своим славяно-русским языком. Так постепенно формировался язык украинских (русских) крестьян.

В городах картина была иной. Там обитало много грамотных людей, читать и писать умели даже низшие слои городского населения.

«Народ образованный крепче стоит за свое прежнее, упорнее хранит свои обычаи и память предков».¹⁴

Поэтому польская языковая и культурная экспансия в крупных русских городах наталкивалась на сопротивление, русский язык продолжал удерживать свои позиции, а обмен письменной продукцией

¹³ О. Прицак «Происхождение Руси» Хроника 2000 №1, 1992, с. 16.

¹⁴ Н. Костомаров «Две русские народности». Киев, 1991, с. 14.

с другими регионами бывшей Руси способствовал унификации и дальнейшему развитию русского литературного языка на Украине. Процесс ополячивания языка (и устного, и литературного) шел, конечно, и здесь, но его темпы были несоизмеримо более медленными, чем в сельских местностях, где ополячиванию не было никаких препятствий.

Таким образом, должно быть ясно, что существующее сейчас на Украине двуязычие имеет глубокие исторические корни. Возникло оно не в результате «русификации», как упорно твердят фальсификаторы и вульгаризаторы нашей истории, а как следствие длительного польского господства и сопротивления образованной части русского общества польской культурной и языковой экспансии.

Яростные попытки наших национал-патриотов это двуязычие во что бы то ни стало ликвидировать и всем навязать одун лишь полонизированную мову, есть ничем не оправданное покушение на одну из самых главных и принципиальных основ человеческого бытия – право разговаривать и получать образование на своем родном языке. А родной язык двух третей населения Украины – русский.

Наши современные гонители русского языка обосновывают свои действия тем, что русский язык, якобы навязанный Украине «русификаторами-шовинистами», является для каждого национально сознательного украинца «инозэмною, чужою мовою», «мовою сусидньої дэржавы». Поэтому, мол, необходимо сроч-

но вернуться к истокам, т. е. к тем временам, когда Украина еще не знала чужого, враждебного, иностранного русского языка.

Но ведь это же, пан Кравчук, элементарная и наглая ложь! На Украине никогда не было даже самого кратковременного периода, когда бы русский язык считался чуждым и иностранным. Для подавляющего числа жителей Левобережья и большинству городов Правобережья русский язык, несмотря на польскую культурную и языковую экспансию, продолжал оставаться своим, местным, родным языком. И если кое-кому сегодня так хочется возвратиться к «истокам», то почему бы в качестве точки отсчета не принять те времена, когда наш славяно-русский язык еще не начал подвергаться активному ополячиванию, т.е. вместо «дерусификации» нашего языка не начать его «деполонизацию»?

Но вот как раз именно об этих истоках наши филологи-патриоты вспоминать не любят. Полностью замалчивая факт сильнейшего ополячивания нашего языка, они предпочитают упорно твердить о некоей «русификации». Ну что ж, давайте посмотрим, что это такое.

На эту тему написано уже немало, однако все написанное сводится лишь к одному: вначале царская, а затем Советская Россия всеми способами стремилась искоренить украинский язык, заменить его абсолютно чуждым для украинцев русским языком. Не собираюсь полемизировать на эту тему, хочу лишь вкратце пока-

зять, с чего начались когда-то разговоры о «русификации».

Когда Украина вернулась в материнское лоно Русского государства, ни в какой русификации просто не было необходимости, так как язык городского населения мало чем отличался от обычного русского языка других регионов России. В то же время чиновникам царской администрации не было никакого дела до полонизированного языка украинских крестьян, который, естественно, не имел в то время ни литературной формы, ни технической, ни канцелярской, ни научной, ни дипломатической терминологии. Иными словами, он был абсолютно непригодным для применения в деловой и культурной жизни. Поэтому дальнейшее употребление русского языка в городах Украины было процессом совершенно естественным и ненасильственным.

Можно ли себе представить, что в результате воссоединения Украины с Россией русскоязычные жители вдруг отказались бы от своего родного, прекрасно развитого русского языка и перешли бы на сельский диалект? Предположение это было бы, мягко говоря, нереальным. Наоборот, в результате воссоединения русский язык городов Украины получил мощную поддержку, избавился от засоривших его полонизмов и постепенно приобрел общерусскую форму. Называть этот естественный исторический процесс умышленной русификацией нет никаких оснований.

Вымышленный термин «русификация» возник значительно позже, когда часть малороссийской интеллигенции с польской подачи начала мечтать о независимой от России державе. Для объединения немногочисленных единомышленников вокруг этой идеи требовалась какая-нибудь твердая, надежная основа.

В качестве такой основы было решено взять сельский украинский диалект, который своими некоторыми отличиями от русского языка (как правило, наличием полонизмов) позволял поборникам самостийничества развивать свои идеи о коренном, изначальном, чуть ли не генетическом отличии и даже враждебности между украинцами и русскими.

Задавшись сверхзадачей вновь разъединить единую русскую народность, эти персонажи начали активно пропагандировать сельский украинский диалект, пытаясь придать ему литературную форму, ввести его в культурный обиход. Городской русский язык был назван «панским», а сельский – «мужицким».

В литературных произведениях оба эти наши языка всячески противопоставлялись: положительные персонажи всегда разговаривали по-украински, отрицательные – непременно по-русски. Примечательно, что этот националистический штамп украинской литературы настолько укоренился, что благополучно перекочевал даже в советскую литературу. Вспомните: в популярной пьесе А. Корнейчука «В степях Украи-

ны» нехороший Филимон Филимонович Довгоносик изъяснялся на окарикатуренном русском языке.

Естественно, царское правительство отчетливо видело, что за всеми этими «хождениями в народ» кроется идея самостийничества, и довольно вяло пыталось противодействовать попыткам расширения сферы распространения украинского сельского диалекта. Отсюда все эти указы и ограничения, которые, правда, никто и никогда не выполнял.

Таким образом, так называемая «русификация» – это попытка сохранения исторически сложившегося на Украине языкового статус-кво.

В двадцатые-тридцатые годы XX века, то есть уже в Советской Украине, была предпринята решительная попытка вытеснения русского языка из традиционно русскоязычных городов. Одновременно широкое распространение получил процесс искусственного углубления «украинизации» нашего языка путем ввода в него всё новых и новых полонизмов, а в ряде случаев и специально вымышленных «украинских» слов. Чем это кончилось, напоминать, думаю, не нужно.

И вот теперь, уже в наше время, когда Украина стала независимым государством, некоторые радикально настроенные деятели украинской культуры (преимущественно из числа неконкурентоспособных писателей и поэтов) вновь развернули бешеную кампанию по изгнанию русского языка из Украины.

Казалось бы, люди, которые только что жаловались на языковые ущемления, с сочувствием будут от-

носиться к стремлению других отстаять свое право на родной язык, язык своих родителей, дедов и прадедов. Но куда там! Вы только посмотрите, какую бурю учинили они в средствах массовой информации против естественного и законного стремления русскоязычной части народа Украины сохранить свой древний русский язык, непрерывно бытующий на этой земле еще со времен Киевской Руси.

Инспирированный поток обращений, воззваний, «коллективных писем», заявлений обрушили они на Президента и правительственные органы, стремясь искусственно создать впечатление общенародного требования заставить «российских шовинистов» (так у нас называют русскоязычных граждан Украины) отказаться от своего родного языка и немедленно перейти на полупольскую «мову».

На самом деле все эти «коллективные письма» были состряпаны кучкой воинствующих русофобов. Вот вам и «ментальность»: жаловались на языковые ущемления, а теперь самозабвенно ущемляют других!

Некий заграничный «отец Годованый-Стовн» из города Сан-Диего в далекой заокеанской Калифорнии осчастливил нас публикацией в киевской газете «Культура и життя» от 30.07.1994 г. своей «Молитвы до украинської мовы". Эта полная гротескных аффектаций «молитва» заканчивается таким пассажем:

«Украинская мова!... Не допусти того, чтобы язык бывших многолетних угнетателей украинского народа стал государственным языком наравне с тобой. Аминь! Аминь! Аминь!»

Это примитивное, злостное националистическое сочинение не стоит даже комментария. Но все же, хочется спросить у этого духовного пастыря: а вам-то, отче, какое дело до того, на каком языке мы разговариваем у себя дома? Мы же не лезем к вам в вашу Калифорнию с непрошеными советами. Вот и вы к нам не лезьте...

Давайте взглянем на проблему современного русскоязычия подавляющего большинства граждан Украины трезво, непредвзято. Попробуйте, пан Кравчук, представить себя на месте человека, который родился в русскоязычной среде, воспитывался и получил образование на русском языке. Поверьте, по большому счету ему глубоко безразлично, откуда когда-то, очень давно появился на Украине русский язык: от древних ли предков или из соседней Московии. Это абсолютно несущественно в данный исторический момент! Главное лишь то, что сейчас это его родной язык, воспринятый с молоком матери – язык его родителей и его предков. И никакие рассуждения о необходимости возрождения неких мифических древних порядков, когда на Украине будто бы не было русского языка, не смогут заставить этого человека изменить своему родному языку.

Нет, уважаемый пан Кравчук, начинать «розбудову дѣржавы» (т.е. государственное строительство) с намерения отобрать родной язык у большинства граждан страны – значит проявлять не только интеллектуальную, но и политическую близорукость.

Вы пишете, что предоставление русскому языку статуса второго официального непременно приведет к межнациональным беспорядкам. А вот я, который здесь живу и несоизмеримо лучше Вас знаю нашу языковую ситуацию, убежден в противоположном: если русскому языку не будет предоставлен статус, соответствующий его распространению и весу, его действительному значению в реальной, а не вымышленной ностальгирующими литераторами жизни, то вот тогда действительно могут возникнуть межэтнические беспорядки и территориальный антагонизм. Так что бороться нужно не за то, чтобы полностью вытеснить русский язык, а за поднятие престижа украинского языка, сильно пошатнувшегося в результате шовинистической атаки чересчур рьяных "украинизаторов".

Сейчас у нас на Украине вошло в обычай прислушиваться к мнению украинцев диаспоры, ссылаться на них. Особенно часто цитируют профессора Гарвардского университета в США этнического украинца Романа Шпорлюка. Что ж, сошлюсь на него и я. Вот что он писал:

«Миллионы людей, которые считают родным русский язык, 1 декабря 1991 г. проголосовали за независимость. Исходя из этого граждане, для которых украинский язык – родной, имеют перед ними определенные политические и моральные обязательства. Если мы не будем с этим считаться, если будем делить население на «основное» и «национальные меньшинства», то очень скоро столкнемся с перспективой территориального и этнического распада Украины... Таким образом, строя государство, необходимо принимать во внимание тот факт, что на-

род Украины, по сути, двуязычен... Легчайший способ уничтожить Украину – это начать украинизировать неукраинцев. Наибольшую опасность для независимой Украины представляют языковые фанатики».¹⁵

Вот так рассуждают подлинные друзья Украины. Узаконить реально существующее на Украине, исторически сложившееся древнее двуязычие – насущная потребность сохранения нормальных межэтнических отношений. Только в согласии между двумя основными частями народа Украины – русскоязычной и украиноязычной – возможно успешное строительство независимого государства. Все иное ведет к краху и гибели.

С уважением – Анатолий Железный. Киев,
октябрь 1994 г.»

2. Так называемая «дискуссия»

В послесловии к публикации моего «Открытого письма канадскому украинцу Петру Кравчуку» редакция «Вечернего Киева» объявила о намерении провести дискуссию по затронутому вопросу.

И действительно, вскоре со страниц газеты на меня хлынул поток самых разнообразных обвинений: в вопиющей ненаучности, во враждебном отношении к украинцам и украинскому языку, в полнейшем непонимании языковой ситуации в Киевской Руси, в ошибочном отождествлении понятий «русский»

¹⁵ Газета «Московские новости» №32 за август 1993 г.

и «российский» язык; в том, что я российский шовинист, янычар, манкурт, земли своей ненавистник; что я угрожаю изменой государству; что я умышленно, из карьеристских соображений поменял свою подлинную украинскую фамилию Зализный на русифицированную Железный и т. п.

Был даже злобный вирш и была даже хамская карикатура. Но более всего меня озадачило редко встречающееся и малопонятное обвинение в «малоросизме» (В.Шевчук). Я так и не понял, что это значит! Впрочем, вряд ли это был комплимент.

Вот так у нас на Украине проводят дискуссии. И все это, заметьте, лишь за то, что я осмелился открыто заявить об очевидном, хорошо известном и без меня: русский язык никогда не был для Украины чуждым и иностранным, что двуязычие сложилось на Украине задолго до её воссоединения с Россией и так называемая «русификация» здесь не при чём.

Мои соображения очень не понравились некоторым нашим ученым, которые именно в это время, отработывая свои тридцать заокеанских серебряников, заняты «научным» обоснованием необходимости срочного возведения глухой стены между украинским и русским народами. Отсюда и все те «дружеские» эпитеты, которые достались мне от этих высокоученых панов.

Проанализировав все направленные против меня публикации, и обнаружив их полную научную несостоятельность (национализм и наука несовместимы),

я написал новую статью под названием «Сколько языков было в Киевской Руси, или Все ли в порядке в нашей филологии». В этой статье я достаточно ясно и вполне обоснованно опроверг созданный украинскими филологами-националистами миф о широком распространении украинского языка в Киевской Руси, показал методологическую ошибочность их аргументации.

Воспринимая понятие «дискуссия» в естественном, прямом значении, я передал свою новую статью в тот же «Вечерний Киев». Вот тут и выяснилось, что эта известная своей патологической ненавистью ко всему русскому газета ни о какой дискуссии и не помышляла. Она лишь использовала мое «Открытое письмо» как предлог для развертывания широкой, злостной антирусской пропаганды.

Так и осталась моя статья неопубликованной. Позреваю, что примененная мною аргументация очень напугала националистических идеологов своей убедительностью о древности украинского языка, о его первичности по отношению ко всем другим славянским языкам. Поэтому и было решено, что лучше читателям ничего этого не знать.

Так как статья была отвергнута и, следовательно, стремиться к ее минимальному объему теперь уже не было необходимости, я ее доработал и расширил, и в таком виде предлагаю вниманию читателей.

3. Сколько языков было в Киевской Руси, или

Все ли в порядке в нашей филологии

В предыдущем разделе данной работы было показано, как в результате сильнейшей полонизации славяно-русского языка в сельских местностях отторгнутой врагами юго-западной части Руси (будущей Украины) постепенно выработался новый диалект, который сейчас принято называть украинским языком. В то же время в крупных городах продолжал сохраняться и развиваться прежний славяно-русский язык, что и явилось подлинной причиной возникновения так называемого двуязычия.

В ответ на мою статью в ряде публикаций, появившихся в том же «Вечернем «Киеве», утверждалось прямо противоположное: так как украинский этнос самый древний в мире, то, следовательно, от украинского языка происходят не только все без исключения славянские языки, но также и все индоевропейские! Интересно было бы узнать, что могут подумать об этой замечательной идее чехи, поляки, болгары, сербы, хорваты, словаки, а также немцы, французы, англичане, шведы и т.д. Что думают об этом русские, я знаю.

В основе теории украинских филологов о первичности украинского языка по отношению ко всем прочим языкам лежит идея о размещении прародины славянских племен на территории Украины, в Поднепровье, о происхождении всех славянских народов от украинцев и об исключительной роли украинского этноса в развитии всей мировой цивилизации.

В наиболее яркой, концентрированной форме эта примечательная идея сформулирована «украинским этнографом и писателем» С. Плачиндой:

«АРИИ (ории) – древнейшее название украинцев. Первые пахари мира. Приручили коня, изобрели колесо и плуг. Первыми в мире окультивировали рожь, пшеницу, просо. Свои знания о земледелии и народных ремеслах принесли в Китай, Индию, Месопотамию, Палестину, Египет, Северную Италию, на Балканы, в Западную Европу, Скандинавию. Племена ориев стали основой всех индоевропейских народов».¹⁶

Такой вот национально-патриотический этногенез! За всю историю человечества никто еще не отваживался присвоить себе честь изобретения колеса, плуга, приручения домашних животных, окультивирования злаков и других общечеловеческих достижений. Теперь время пришло и удивленное человечество узнало, что все это сделали мы, украинцы. А чему тут, собственно, удивляться, если все индоевропейские народы происходят от нас!

Но это еще не все. Цитирую удивительные строки из публикации кандидата исторических наук Ю. Джеджулы «Тысяча лет украинской диаспоры»:

«Локомотив истории бешено пронесся над нашей когда-то радостной, а теперь слезной землей, разнося вдребезги тысячелетнюю народную память...»¹⁷

Не вызывает сомнения, в какой период своей истории Украина стала, по Ю. Джеджуле, «слезной землей»: это при Советской власти. А вот какой именно

¹⁶ «Словарь древнеукраинской мифологии». Киев, 1993.

¹⁷ «Вечерний Киев», 23.01.93.

период нашей истории был «радостным»? При татаро-монголах? При литовцах? При поляках? При фашистах? Но читаем далее:

«Но отказывают украинцам в праве называться украинцами. И далеко не все помнят (или не желают помнить), что люди являются плодоносной ветвью украинского национального древа»

То есть, не только славяне и индоевропейские народы, но даже и все человечество («люди») произошли от украинцев! Видите, как здорово идет у нас на Украине «возрождение» пришедшей в упадок в годы Советской власти науки...

Ну, хорошо, пусть так. Но все же кое-что хотелось бы уточнить: если «люди» являются лишь одной из ветвей «украинского национального древа», то что же разместилось на других ветвях? Животные? Минералы?

Человек посторонний, не подготовленный, не знакомый с некоторыми особенностями украинской националистической пропаганды, вполне может принять все эти «теории» и «открытия» за розыгрыш, шутку. И ошибется! Увы, это не розыгрыш и не шутка, а вполне серьезное современное мифотворчество, призванное пробудить у украинцев «национальное самосознание», привить им чувство колоссального превосходства над всеми другими нациями и, прежде всего над русским народом. Почему-то считается, что именно таким путем и должна проводиться «розбудова державы», что любые другие пути неизбежно приведут

«до втраты дэржавности» (к утрате государственности).

Не буду вдаваться во все детали националистической «теории» о размещении прародины славян в Поднепровье. Это вопрос сложный, требующий отдельного обстоятельного разговора. Приведу лишь одну цитату из работы видного русского историка Л.Н. Гумилева «Древняя Русь и Великая степь»:

«Как ныне установлено, славяне не были аборигенами Восточной Европы, а проникли в нее в VIII в., заселив Поднепровье и бассейн озера Ильмень...»¹⁸

Выходит, расселение славян на новые земли шло не из Поднепровья на запад, как полагают украинские ученые-патриоты, а прямо в противоположном направлении – с запада на восток!

Знаю, очень хорошо знаю, что наши нынешние ревизоры устоявшихся исторических воззрений в категорической форме не признают научных работ ни русских, ни советских историков, обвиняя их в «имперском» мышлении. Что ж, сошлюсь тогда на такой авторитет, который не может не признать ни один даже самый завзятый «патриот»: я имею в виду Нестора-летописца. Вот что он писал в «Повести временных лет»:

«По мнозех же временах селе суть Словене по Дунаеве, где есть ныне Угорская земля и Болгарская. От тех Словен розидошася по земли и прозвашася имены своими, где седше на которм месте. Яко пришедше седоша на реце именем Мораве,

¹⁸ Москва, 1992, с. 32.

и прозвашася Морава, а друзии Чесе нарекошася... Такоже и те Словене пришедше седоша по Днепру и нарекошася Поляне...»

Обычно тех, кто не разделяет фантастических теорий национал-патриотов, обвиняют в «имперском мышлении», «шовинизме» и стремлении нанести ущерб идее украинского возрождения. Применить все эти эпитеты к древнерусскому летописцу нет решительно никакой возможности! А ведь он как раз и пишет о приходе славян в Поднепровье с запада, с Дуная.

И чтобы уже полностью завершить разговор о размещении прародины славян, приведу еще одно мнение известного украинского филолога:

«Однако лишь гипотеза среднедунайской прародины славян в состоянии удовлетворительно объяснить загадочную тягу славянских племен к Дунаю и стойкую память о нем среди всех славянских и некоторых прибалтийских народов».¹⁹

Таким образом, говорить о распространении украинского языка (даже если таковой в те времена уже существовал) с Поднепровья на другие славянские земли нет никаких серьезных оснований.

Теперь давайте посмотрим, существовал ли украинский язык в древности. На каком языке, скажем, общались между собой жители Киевской Руси? Украинские филологи знают это абсолютно точно: на украинском! Ну что ж, предположим, что так оно и было. Но ведь ясно, что одного предположения недостаточно, нужны еще и четкие доказательства. Есть ли они?

¹⁹ Г.Пивторак «Украины, откуда мы и наш язык». Киев, 1993, с. 40.

Единственный способ составить представление о языке наших далеких предков, жителей древнерусского государства, – изучение дошедших до нас письменных памятников тех времен. Но вот беда: украинские филологи с завидным упорством твердят, что никакие письменные памятники не могут передать подлинное звучание живой устной речи наших предков. Это их упорство объясняется очень просто: науке не известен ни один древний письменный памятник, в котором применялся бы украинский язык! И этот факт очень сильно компрометирует гипотезу о первичности украинского языка, так как вполне естественно возникает такой вопрос: если украинский язык уже тогда был в повседневном обиходе, то почему же он не отражен в письменных источниках?

Для объяснения этого неприятного и неудобного факта украинские филологи-патриоты вынуждены доказывать, что в древней Руси будто бы существовал обычай передавать мысли в устной форме на одном языке (украинском), а в письменной – на двух других языках: церковнославянском и древнерусском. То есть в повседневном обиходе одновременно существовало три, хотя и родственных, но все-таки разных языка: один устный и два письменных.

Но вот посмотрите: профессор И.П. Ющук доказывает, что устных языков было тоже два!

«Детей князей, бояр, воинов, купечества, священников учили в этих школах не языку смердов, а церковнославянскому (староболгарскому) языку, на котором были написаны книги.

Одни овладевали им лучше, другие – хуже, но уж между собой, чтобы отличаться от простонародья, общались если не на чистом церковнославянском языке, то на церковнославяно-украинском суржике».

Этот суржик наши лингвисты называют «городским койне». Как видим, профессор противопоставляет это городское койне языку смердов-простолюдинов, т. е. украинскому языку. Таким образом, выходит, что в древнерусском государстве в повседневном обиходе было два устных и два письменных языка. Не многовато ли?

Здравый смысл подсказывает, что здесь явно что-то не так. Давайте же, оставаясь на позициях здравого смысла, попробуем хорошенько разобраться с количеством языков наших предков.

Сначала поговорим о старославянском языке, который ещё называют церковнославянским и староболгарским. Было когда-то такое время, когда и на Руси, и в Болгарии разговаривали на одном и том же славянском языке. Это объясняется тем, что наши предки, как писал Нестор-летописец, до переселения в Поднепровье обитали на Дунае, а болгары (тюркоязычные булгары), наоборот, под сильным давлением хазар вынуждены были покинуть Поднепровье, где был центр их державы Великая Булгария со столицей в г.Башту (будущем Киеве) и переселиться на Дунай. Утвердившись среди покоренных ими дунайских славян, болгары очень скоро настолько ославились, что начисто позабыли свой тюркский язык и полностью перешли на

славянский. Таким образом, язык наших первых священных книг был славянский.

«Древнеславянский язык и древнеболгарский язык – это одно и то же»²⁰

А теперь мысленно перенесемся в те времена, когда славяне еще не имели своей письменности. Нетрудно догадаться, что в не столь уж далекой ретроспективе оба древних русских письменных языка и один (или два) устных языка пересекаются в одной исходной точке: в единственном устном языке древних славян. И вот к этому устному языку солунские братья Кирилл и Мефодий подобрали алфавит, тем самым превратив его из устного в устно-письменный, на который и перевели с греческого Священное писание.

Тот, кто считает, что для лучшего понимания и усвоения греко-христианских текстов братья специально выдумали некий особый, искусственный церковнославянский язык, не только искажает и принижает смысл их просветительской деятельности, но даже бросает тень на их умственные способности.

Можно ли предположить, что в ответ на просьбу о переводе Святого писания с греческого на понятный славянам язык, братья вместо славянского перевода преподнесли тексты на специально для этого случая ими сконструированном и не существующем в природе «церковнославянском» языке? Думаю, что не обязательно нужно иметь специальное филологическое

²⁰ Л. Успенский «Слово о словах», Москва, 1960, с. 159.

образование, чтобы понять: с точки зрения элементарного здравого смысла такое предположение выглядит (очень мягко говоря) просто нелепым.

Нет, перевод был сделан непосредственно на славянский язык, на котором в дописьменный период общались между собой дунайские славяне. Следовательно, этот язык в те времена был не ещё не «церковнославянский», а просто славянский!

А далее произошло вот что. Принятие Русью христианства и обретение письменности вызвало бурный рост русской культуры. Живой устный язык быстро обогащался новыми словами, оборотами, выражениями, отшлифовывалась его грамматическая структура. И все эти изменения автоматически фиксировались в деловых и светских письменных документах.

В то же время письменный славянский язык религиозных греко-христианских текстов почти застыл в своей неподвижности, неприкосновенности, так как редко кто отваживался что-нибудь в нем менять. По этому поводу Олжас Сулейменов писал:

«...Копировалось механически, почти машинно лишь священное писание; даже клякса чернильная, сделанная в ранней копии, повторялась последующими книгописцами; произведения же светской литературы не копировались, а переводились на язык переписчика».

Так постепенно образовались две разновидности славянского языка: один чисто письменный язык религиозных текстов (мы называем его церковнославянским или староболгарским), другой – устно-

письменный язык повседневного общения и светских документов (он называется древнерусским).

Таким образом, в момент наивысшего расцвета древнерусской культуры одновременно функционировали два языка: письменный церковнославянский и устно-письменный древнерусский. И этими двумя языками полностью исчерпывалась языковая ситуация во времена Киевской Руси.

А вот теперь рассмотрим подробнее теорию украинских филологов о широком распространении украинского языка уже во времена Киевской Руси, который, по их утверждению, был господствующим и явился основой всех разновидностей славянских и индоевропейских языков. Действительно ли уже тогда украинский язык существовал, или мы имеем дело с результатом предвзятого толкования древних письменных источников?

Существование церковнославянского и древнерусского языков ни у кого сомнений не вызывает, так как сохранилось множество древних текстов, написанных на этих языках.

В то же время науке не известен ни один достоверно древний, подлинный документ на украинском языке. Украинские филологи вынуждены объяснять этот крайне неудобный для них факт тем, что в те времена будто бы считалось неприличным и разговаривать и писать на одном и том же языке. Поэтому люди между собой разговаривали на украинском языке, но когда брали в руки перо, то те же самые мысли записывали

на том или ином письменном языке – церковнославянском или древнерусском (видимо, в зависимости от настроения).

В таком случае возникает вполне законный вопрос: если украинский язык не зафиксирован ни в одном древнем документе, то каким же образом же украинские филологи догадались о его существовании во времена Киевской Руси?

Для доказательства того, что наши далекие предки – жители Киевской Руси разговаривали на украинском языке, была придумана весьма оригинальная теория, которую я назвал бы «Теорией рассеянных писарей», или «Теорией описок и ошибок».

Ее смысл заключается в том, что будто бы древние писари, которые писали и переписывали книги и прочие тексты, абсолютно случайно, нечаянно, невольно, вследствие своей невнимательности и рассеянности иногда допускали описки и ошибки. Вместо тех слов, которые им диктовали, или которые были в переписываемых оригиналах, употребляли другие слова.

Делали они так будто бы потому, что в повседневной жизни привыкли разговаривать на украинском языке и поэтому при рассеивании внимания случайно вписывали слова из своей обиходной речи – «украинизмы». Вот эти-то случайно вкравшиеся «украинизмы», по твердому убеждению украинских филологов, будто бы неопровержимо доказывают подспудное существование устного простонародного украинского языка. Вот такая очень убедительная теория!

Странно, однако, выглядит эта писарская «рассеянность»: меняя лишь форму слова, писари почему-то старались сохранить его смысл в точном соответствии с контекстом.

Нетрудно заметить, что вся система доказательств в этой «теории» базируется на полной, безоговорочной уверенности в том, что мы имеем дело с действительно случайными описками и ошибками и что сделаны они именно в те древние времена, а не столетия спустя, при очередном переписывании.

И вся эта тщательно выпестованная «теория» мгновенно рушится, как только мы узнаём, что построена она на анализе не подлинных древних документов, а лишь их позднейших копий!

Здесь, в этом месте мы подошли к ключевому моменту исследования, поэтому я, не имея официального филологического образования, вновь вынужден прибегнуть к свидетельству специалистов.

«Большему или меньшему влиянию устного народного языка подвергались и такие светские письменные произведения Киевской Руси, как «Повесть временных лет», «Русская правда», «Слово о полку Игореве» и т. д., которые дошли до нас не в оригиналах, а в позднейших копиях».²¹

«Русские летописи, дошедшие до нашего времени, это списки с древних утраченных оригиналов. Ученые полагают, что эти летописи – примерно двадцатая переписка».²²

²¹ А. Бурячок «Языковая ситуация в Киевской Руси». Вечерний Киев, за 23.12.94.

²² С. Высоцкий «О чем рассказали древние стены», Киев, 1978, с. 29.

Несмотря на отсутствие древних письменных оригиналов, украинские филологи твердо убеждены, что в них непременно должны были быть «украинизмы» – лексические и грамматические случайные проявления параллельного существовавшего уже тогда украинского языка:

«Если бы сохранились деловые документы X–XI ст. из Среднего Поднепровья, мы, без сомнения, имели бы интересные свидетельства о грамматических и лексических особенностях центральных протоукраинских говоров ранней эпохи».²³

Увы, «деловые документы X–XI ст.» не сохранились, следовательно, добросовестный исследователь не имеет никаких оснований разделить уверенность украинских филологов в существовании в Древней Руси отдельного протонародного украинского языка.

За неимением оригинальных письменных документов наши языковеды все свои лингвистические построения базируют на анализе их позднейших копий, сделанных уже в те времена, когда польская культурно-языковая экспансия успела привнести в славянорусский язык покоренного южнорусского народа существенные лексические, грамматические и фонетические признаки, характерные для польского языка.

«Для изучения истории украинского языка исследователи широко привлекают свидетельства староукраинских письменных памятников XIV–XVII ст. разных жанров».²⁴

²³ Г. Пивторак «Украинцы, откуда мы и наш язык». Киев, 1993, с. 162.

²⁴ Там же, с. 19.

Рассматривая эти письменные памятники, добросовестный исследователь получит представление о характере староукраинского языка только в названных временных пределах. Но он никогда не станет судить по ним о древнерусском языке времен Киевской Руси, для этого он предпочтет обратиться к более ранним источникам (граффити, берестяные грамоты и т. п.).

Продолжим, однако, рассмотрение «Теории описок и ошибок». Представьте себе такую картину: сидит писарь, ему диктуют какой-то текст, а он из-за своей невнимательности вместо церковнославянских или древнерусских слов время от времени пишет «украинизмы». Не странно ли?

Или иначе: писарь снимает копию, скажем, со «Слова о полку Игореве». Вот он дошел до фразы «На второй день с самого утра кровавые зори рассвет предвещают...» Тут мысли у него смешались, и он неожиданно для себя старательно вывел: «Другаго дни велми рано кровавые зори свет поведают...»

Давайте же, наконец, будем реалистами: рассеянность ли была причиной появления «украинизмов»? И почему эти, так называемые «украинизмы» так удивительно похожи на полонизмы?

Нет, панове украинские филологи. Не было на самом деле никаких писарей, пораженных болезнью массовой рассеянности. Были люди, тщательно и вполне квалифицированно выполнявшие свои профессиональные обязанности. Переписывая старые тексты, они совершенно сознательно (а не по рассеянности) заменяли

устаревшие слова, вышедшие уже из употребления на современные, но одинаковые по смыслу, и вносили другие изменения в соответствии с правилами современного выговора и современной грамматики. Словом, старались по возможности осовременивать старые тексты для того, чтобы сделать их полностью понятными читателю.

«Появлялись литературные редакции того или иного памятника..., редактировался язык рукописей, при этом часто на полях к тем или иным словам делались глоссы (лексические, словообразовательные), которыми при дальнейшем переписывании текста заменялись устаревшие или малопонятные слова».²⁵

Никто тогда еще и не думал о необходимости сохранения древних письменных памятников в их первоизданном виде. Скорее всего потому, что эти документы никем еще не воспринимались как древние памятники.

«Обращаясь к оригинальному тексту, мы должны осознавать, что перед нами все же не оригинальный текст на языке XII ст., а копия, сделанная почти через 300 лет именно украинским книжником... Целые пласты староболгарской, да и старорусской лексики заменялись собственно украинской».²⁶

Спрашивается, может ли добросовестный филолог судить о характере языка времен Киевской Руси по какой-нибудь позднейшей копии древнего документа, в которой книжник, живший, по меньшей мере, 300 лет

²⁵ Г.С. Баранкова "О начале русской книжности". Русская словесность №1, 1993, с. 27.

²⁶ Василь Яременко «По заказу вечности» в издании «Повесть временных лет». Киев, 1990, с. 480-481.

спустя, изменил на свой лад «целые пласты» оригинального текста?

Добросовестный филолог – нет, не может, так как знает, что язык этого самого книжника, жившего в XV ст. или позже, уже успел подвергнуться сильнейшему воздействию господствовавшей тогда польской языковой культуры. Именно поэтому переписчик заменял вышедшие из употребления слова на новые, вошедшие в повседневный обиход под влиянием польской лексики, фонетики и грамматики. В подавляющем большинстве случаев это прямые польские заимствования, в некоторых случаях же – лишь грамматические видоизменения старорусских слов.

Но если иметь в виду филолога недобросовестного, одержимого идеей во что бы то ни стало придумать доказательства более древнего происхождения украинского языка по сравнению с русским, ответ будет иной: да, может. И делает это! Вот характерный пример:

«Анализируя лексику «Поучения», исследователи пришли к выводу, что язык Владимира Мономаха был очень близок к местной речи, и в нем засвидетельствованы такие лексемы, которые ныне сохранились лишь в украинском языке. Это проливает свет не только на речевые склонности Владимира Мономаха, но и истоки, и время становления специфически украинского лексического фонда».²⁷

Где же логика? Если рассеянный писарь случайно допускал в письменную речь некоторые простонародные слова («украинизмы») лишь потому, что сам был

²⁷ Г. Пивторак, там же, с. 176.

по терминологии И.П. Ющука «смерд-простолюдин», то ведь Владимир-то Мономах не был ни смердом, ни простолюдином, а исключительно великим князем! Отчего же и в его языке встречаются эти самые простонародные «украинизмы»? Не проще ли, оставаясь на позициях здравого смысла, предположить, что появление украинизмов-полонизмов в речи великого князя объясняется исключительно деятельностью украинского книжника XV или XVI ст., отредактировавшего при переписи дошедшую до него более раннюю копию древнего памятника?

А вот другой пример, относящийся к автору Повести временных лет». Тот же Василь Ерёменко пишет:

«Если книжник, который изготовлял копию в начале XV ст. точно воспроизвел язык оригинала, то Нестор – украинец и в быту пользовался языком украинским».²⁸

Мягко говоря – странная, очень странная логика! Если ничтожный процент «украинизмов», встречающихся в позднейших копиях древних русских текстов, доказывает будто бы параллельное, подспудное существование в древней Руси украинского языка, то о чем, в таком случае, говорит бесчисленное множество имеющихся там же «русизмов»? Не о том ли, что автор оригинального текста (а не его позднейшей копии) был человеком русским и в быту привык разговаривать на русском (древнерусском, славянорусском) языке? Согласитесь, для такого вывода у нас есть несоизмеримо

²⁸ Там же, с. 492.

больше оснований, чем у филолога, задавшегося целью «украинизировать» древнюю Русь.

Василь Яременко утверждает, что в «Повести временных лет», созданной в XI – начале XII ст. «...Украинская лексика льётся сплошным потоком» (с.403). И в качестве примера приводит вот такие слова: *жыто, сочэвиця, посаг, вабыты, пэчэра, вэжа, голубнык, стриха, рилля, мыто, пэрэкладаты, вино...*

А теперь открываем польский словарь и читаем: *żyto* (рожь), *soczewica* (чечевица), *posag* (приданое), *wabić* (манить, привлекать), *pieczora* (пещера), *wieża* (башня), *gołębnik* (голубятня), *strych* (чердак), *rola* (пашня), *myto* (плата, пошлина), *przekładać* (переводить), *wiano* (приданое)... Неужели кому-нибудь все еще не ясно, откуда появились в нашем языке все эти так называемые украинизмы?

То, что язык Юго-Западной Руси, надолго попавшей под польское господство, постепенно, но неуклонно ополячивался, замечено было давно. Так, например, видный украинский ученый Д.Н. Бантыш-Каменский, рассказывая об установлении участниками Виленского церковного собора в 1509 году строгих правил нравственности священников, отмечает:

«Язык, коим писаны правила сего собора, уже вмещал в себе нечистую примесь польского, что можно видеть из следующих слов: шкода́, зру́шити, зъэхатися до митрополи́та, вчини́ти и проч., кои там встречаются».²⁹

²⁹ «История Малой России», Киев, 1993, с. 61.

Таким образом, подавляющее большинство «украинизмов» представляют собой несомненные полонизмы, начавшие проникать в язык жителей юго-западной Руси (и в устный, и в письменный) не ранее середины XV ст. во времена польского политического, хозяйственного и культурного господства.

Следовательно, наличие в копиях древнерусских летописей и прочих письменных памятников некоторых признаков украинского языка (полонизмов) как раз и показывает, что копии эти создавались уже при поляках, когда шло скрещивание местного славянорусского и польского языков.

Наличие в копиях XV–XVII ст. полонизмов-украинизмов является одним из самых надежных критериев определения степени близости исследуемого текста к древнему утраченному оригиналу: чем больше полонизмов, тем позднее копия. И наоборот: их отсутствие или малое количество четко показывает, что перед нами либо оригинальный, либо более близкий к оригинальному текст.

В «Украинской газете» за 27.04.1995 в статье «Бег на месте» читаем:

«Преимущественно выходцы из Западной Украины, эти люди в своем большинстве говорят только на украинском языке, который представляет собой нечто среднее между русским и польским».

Что означает это «нечто среднее между русским и польским»? Для подобных смесей у филологов имеется специальный термин: диалект. Так уж получилось, что наш украинский язык в равной мере является

и русским, и польским диалектом, поэтому, на мой взгляд, наиболее точно отражающий реальное положение вещей будет такой термин: русско-польский диалект.

Итак, русско-польский диалект, который мы сейчас называем украинским языком, возник и начал свое развитие не во времена библейского Ноя, не во времена древнегреческого поэта Овидия и даже не во времена Киевской Руси, а в XV веке, гораздо позже распада единого древнерусского государства. Такова была цена, которую пришлось заплатить русским обитателям юго-западной части Руси, насильственно отторгнутой литовцами и поляками, за продолжительное пребывание под иностранным (польским) господством.

Не попади тогда юго-западная Русь под польское господство, дальнейшее развитие местного славяно-русского языка проходило бы без сильнейшего воздействия польской языковой культуры. Иными словами, для возникновения русско-польского диалекта не было бы оснований.

Вся совокупность приведенных в этой работе соображений дает объективному исследователю право сделать вывод о том, что во времена Киевской Руси украинского языка как такового еще в природе не существовало. Все попытки наших филологов с помощью сомнительных, притянутых за уши трюков «украинизировать» Киевскую Русь не имеют под собой сколько-нибудь серьезной основы и продиктованы они

не научными, а исключительно национально-патриотическими соображениями.

Все вышеизложенное в данной работе можно обобщить в нескольких основополагающих тезисах.

1. Подлинная, объективная история украинского языка до настоящего времени все еще не написана. Та версия, которая предлагается нам украинскими филологами, ошибочна, так как основана на некритическом, предвзятом толковании древнерусских письменных памятников, которые дошли до нас не в подлинниках, а в позднейших копиях, а также на исследованиях староукраинских деловых документов, написанных во времена польского господства и потому вобравших в себя множество лексических, фонетических и грамматических полонизмов, ставших наиболее характерной отличительной особенностью украинского языка.

2. В Киевской Руси не было почвы для углубления диалектных различий и самопроизвольного возникновения трех отличающихся друг от друга языков: русского, украинского и белорусского. Напротив, полным ходом шел процесс хозяйственной и культурной интеграции различных племенных образований, размывающий и нивелирующий местные диалектные отличия. Процесс, вызвавший разделение исходного славянорусского языка на три братских языка возник позже, в результате раздела Руси между татарами-монголами, литовцами и поляками.

3. Юго-западные княжества бывшей Руси, отторгнутые Литвой, вскоре попали под мощное полити-

ческое, хозяйственное и культурное влияние Польши. Начался процесс скрещивания местного славянорусского и польского языков.

Один из основополагающих законов языкознания гласит, что при скрещивании двух языков всегда в конечном итоге побеждает один из них. Так как польский язык занял господствующее положение, то результат скрещивания можно считать очевидным: торжество польского языка и полное исчезновение славянорусского языка в юго-западных княжествах Руси.

И лишь возвращение Украины в лоно общерусского государства прервало процесс скрещивания буквально на полпути, когда местный язык в селах уже перестал быть славянорусским, но еще не успел полностью превратиться в польский. Самое подходящее название для этого языка – русско-польский диалект, хотя мы сейчас называем его украинским языком.

После воссоединения Украины с Россией, когда влияние польского языка прекратилась, начался обратный процесс постепенного вытеснения всевозможных полонизмов. Этот естественный процесс очищения нашего языка от засоривших его полонизмов некоторые деятели украинской культуры упорно называют умышленной «русификацией» и стараются всячески ему воспрепятствовать. Видимо, в данном случае «возвращение к истокам» не отвечает их политическим, самостийническим устремлениям.

4. Существующее сейчас на Украине двуязычие

является результатом более чем трехвекового иностранного господства над юго-западной частью Руси, так как скрещивание славянорусского и польского языков проходило в городах и сельских местностях неодинаково.

В селах «ополячивание» не встречало никаких препятствий, так как неграмотные и бесправные крестьяне находились в полной рабской зависимости от польского пана и его многочисленной челяди. В то же время в городах, где жители были не только грамотны, но и независимы, процесс «ополячивания языка наталкивался на сопротивление.

Таким образом, наше русско-украинское двуязычие возникло задолго до воссоединения Малороссии с Россией, и русский язык для городского населения является таким же естественным, как и украинский для сельского населения. Оба языка – наши, и тот, кто в близоруком националистическом ослеплении требует изгнать из Украины наш древний, родившийся здесь русский язык, несет нашему народу зло самоизоляции и интеллектуального оскотления.

5. Полемика с оппонентами

После публикации моего «Открытого письма канадскому украинцу Петру Кравчуку» газета «Вечерний Киев» в своем номере от 9 декабря 1994 г. сообщила

следующее: «Пространное письмо А. Железного «Не толкайте нас на измену» вызвало мощный поток писем. Общий пафос большинства из них – вопиющая ненаучность и провокационность этого сочинения».

Естественно, редакция тщательно отобрала из этого «мощного потока» и опубликовала лишь те письма, пафос которых был направлен против моей основной идеи о полном историческом равноправии обоих наших языков – русского и украинского, о необходимости юридического закрепления этого равноправия с тем, чтобы впредь ни один из них не имел никаких преимуществ перед другим. Ведь только таким путем можно обеспечить межэтнический мир и согласие между различными национальностями, населяющими Украину.

Тщательно изучив все эти публикации, я увидел, что ни одна из них не содержала каких-либо новых, не известных мне фактов, которых бы я не учел при составлении своей версии происхождения украинского языка и нашего двуязычия. Зато я обнаружил там столько утверждений, уязвимых с точки зрения исторической правды и даже элементарного здравого смысла, что счел необходимым все это прокомментировать.

Игорь Лосив, секретарь Христианско-демократической партии Украины, депутат Киевсовета, преподаватель истории мировой и украинской культуры.

«ЛЮБИЛИ ЛИ КРЕСТЬЯНЕ ПОЛЬСКИХ ПАНОВ БОЛЬШЕ, ЧЕМ РУССКИХ»

(В. К. от 09.12.1994).

Свою статью пан Лосив начинает с того, что в искаженном виде излагает основные положения моей работы, а затем очень энергично «развенчивает» общепринятое воззрение на происхождение трех братских народов – русского, украинского и белорусского – из одной общей колыбели – Киевской Руси. По его новому убеждению колыбель эта принадлежит исключительно одним только украинцам, ни для кого иного места в ней нет.

Далее пан Лосив выражает несогласие с якобы моим утверждением о том, будто в Киевской Руси писали «российской (московской) мовою». На самом деле я писал, что язык, на котором общались между собой жители Киевской Руси, обнаруживает гораздо больше сходства с русским, чем с украинским языком. И что на самом деле никакого «российского» языка в природе не существует, а есть только один русский (именно русский, а не «российский») язык.

Между тем украинские филологи с завидным упорством называют русский язык «российским», так как термин «русский» они считают синонимом термина «украинский». Такой пассаж продиктован стремлением во что бы то ни стало «украинизировать» Киев-

скую Русь и тем самым обосновать исключительное право украинцев на древнерусское наследство.

Затем пан Лосив весьма остроумно (как ему кажется) опровергает мое утверждение о том, что мы не располагаем никакими сколько-нибудь убедительными доказательствами того, что во времена Киевской Руси было принято разговаривать на одном языке, а записывать те же самые мысли на каком-то другом. Я писал, что, по моему убеждению «как говорили, так и писали».

Пан Лосив категорически возражает на том основании, что в некоторых западноевропейских странах ученые в быту говорили каждый на своем языке, а научные труды писали по-латыни.

Спрашивается: причем тут какие-то западноевропейские ученые с их обычаями, мы ведь вели разговор не о них, а о жителях Киевской Руси, где не только латыни, но и ученых-то еще не было. Так что за неимением латыни писали либо на церковнославянском, либо на устно-письменном славянорусском (древнерусском).

Ну и, конечно, отвергает пан Лосив и главную идею моей работы – формирование украинского языка преимущественно в виде русско-польского диалекта. Он пишет, что в украинском языке есть не только польские, но также и немецкие, венгерские, румынские, греческие, тюркские и иранские заимствования, что естественно не только для украинского, но и для других языков.

Да, если рассуждать абстрактно, на качественном, так сказать, уровне, то так оно и есть. Но стоит только перейти к количественной оценке заимствований, то перед нами открывается такая картина, перед которой эти абстрактные рассуждения теряют смысл.

Задавались ли Вы, пан Лосив, таким простым вопросом, без решения которого рассуждать об истории украинского языка – пустая трата времени: а сколько, собственно, имеется в украинском языке польских, венгерских, румынских, тюркских и др. заимствований? Нет? Тогда давайте обратимся к работе киевского филолога-любителя Георгия Майданова, который взял на себя труд сделать то, чего не догадались сделать наши филологи-профессионалы: он выполнил приблизительный подсчет имеющихся в украинском языке различных заимствований. Подсчет дал весьма красноречивые результаты.

Выяснилось, что венгерских и румынских заимствований в областных украинских диалектах не так уж много, примерно по сотне в каждом случае. Зато польских заимствований набралось ни много, ни мало, а более двух тысяч! Это уже, извините, не просто некие лексические вкрапления, появившиеся в украинском языке в результате контактов с поляками, это уже сама суть языка, его живая плоть!

Более всего Вас возмущает вывод, который следует из моей статьи: у русского языка объективно имеется больше оснований считаться преемником языка жителей Киевской Руси, чем у украинского. «Почему это

русский – правопреемник древнерусского...? А не украинский или белорусский?»

Позвольте, да ведь Вы же сами категорически отрицаете тот всем известный факт, что Киевская Русь была общей матерью трех братских славянских народов и, следовательно, их языков! Раз, по-вашему, сегодня есть только один преемник древнерусского языка, то любой здравомыслящий человек прежде всего назовет русский язык, более других соответствующий древнерусскому по своему словарю (на это указывал В. М. Русановский), грамматическому строю и общему характеру.

Очень близок к нему и белорусский язык, хотя ему в силу сложившихся исторических обстоятельств тоже не удалось избежать некоторой полонизации. Из трех названных языков наиболее далек от славянорусского (древнерусского) языка – украинский, который выработался уже после гибели древнерусского государства в результате воздействия двух мощных факторов: польского господства и тесного контакта с тюркополовецкой средой бежавшими от поляков русскими людьми в процессе заселения территорий за днепровскими порогами

У Вас, пан преподаватель, иная точка зрения: русский язык никак не может быть преемником древнерусского по той причине, что он сильно засорен угрофинской и татарской лексикой:

«Поэтому справедливо ли говорить только о «полонизации» староукраинского языка, замалчивая «татаризацию» русского языка и мощное влияние на него угро-финского языка?»

Но ведь я и не писал о полонизации староукраинского языка! Я писал об ополячивании славянорусского (древнерусского), так как староукраинский язык сам по себе уже есть продукт ополячивания.

Теперь о «мощном влиянии угро-финского языка», как Вы изволили написать. Решив проверить Вашу идею, я взял свой русско-финский словарь и принялся искать в нем финские слова, сходные по звучанию (и по смыслу) с русскими. Но, увы! Я нашел единственное финское слово «kuula» (пуля), которое, согласитесь, больше напоминает польско-украинское "кўля"! Что-то не похоже на «мощное влияние»...

А что касается «татаризации» русского языка, то да, Вы правы, в русском языке есть немало слов тюркского происхождения. Но сколько их, никто толком не знает, так как вопрос этот русской филологией не изучен. А известно ли Вам, сколько тюрко-половецких слов имеется в украинском языке? Если нет, то я Вам скажу: по самым приблизительным подсчетам того же филолога-любителя Георгия Майданова их в украинском языке более двухсот.

Вот примеры: *курінь, куркуль, кавун, кош, килим, бугай, майдан, казан, кобза, козак, лелека, ненька, гаманець, тин, байрак, галаган, кашук, могорич, кохана...* Слова эти выглядят такими родными, украинскими, не правда ли?

Так что если мы зададимся целью проследить «татарский след» в наших языках, то начинать нужно скорее с украинского. Но это тема отдельного обстоятельного разговора. Наша наука все еще упорно замалчивает значение тюрко-половецкого воздействия на формирование украинского этноса. Но как иначе объяснить появление таких вот «истинно украинских» слов явно тюркского происхождения, если в письменных памятниках древней Руси они не встречаются?

Между историческими условиями развития русского и украинского языков есть одна очень существенная разница. Да, северо-восточные русские княжества почти 300 лет будто бы были под так называемым "монголо-татарским игом". Но русские люди здесь почти не ощущали влияния ни монгольского, ни татарского языка и культуры, так как кочевники, одержав победу, вновь вернулись в свои улусы.

«Так как монголы нигде не оставляли гарнизонов, то «подчинение» носило чисто символический характер; после ухода монгольского войска жители возвращались домой, и все шло по старому».³⁰

Таким образом, русская культура и русский язык продолжали свое естественное саморазвитие, начавшееся еще в Киевской Руси. Именно поэтому я утверждаю, что славянорусский(древнерусский) и нынешний русский языки— это один и тот же язык на разных ступенях своего саморазвития.

³⁰ Л.Н. Гумилев «Древняя Русь и Великая степь». Москва, 1992, с. 508.

Совсем иная картина была в Южной Руси! Польские паны с их многочисленной челядью долгое время господствовали на захваченных русских землях и буквально сидели на шее у русского человека, деформируя его язык и жизненный уклад.

Те же, кто не выдерживал польской панщины и бежал на южную границу, за пороги, присоединялись к местным половцам и превращались в казаков. Вот где истоки украинского этноса и «татаризации» русско-польского диалекта (украинского языка).

Не могу не ответить еще и на главный вопрос пана Лосива, вынесенный им в заголовок: «Любили ли крестьяне польских панов больше, чем русских?» Пан Лосив спрашивает меня:

«Вы пишете, что украинский крестьянин старался общаться с польским дедичем по-польски, поэтому его собственный язык портился и так, мол, возник украинский язык. А какой же язык, в таком случае, мог возникнуть вследствие общения крестьянина с русским паном и почему он не возник? Что-то тут у вас не сходится! Или, может быть, польского помещика украинские крестьяне любили больше, чем русского?»

Сходится, пан учитель, всё сходится, сейчас Вы в этом убедитесь. Отвечаю: на Правобережье никакого влияния русского помещика на крестьянина не было и быть не могло, так как

«Огромный вес поляков... прежде всего обуславливался богатством и влиянием их элиты. В 1850 г. около 5 тыс. польских землевладельцев имели 90% земли... этого региона. Правобережье, где сосредотачивалось 60% всего дворянства Украины, оставалось твердыней старых порядков. Даже ликвидация крепостного права не могла поколебать положения таких сказочно

богатых польских магнатов, как семьи Потоцких, Чорторийских, Браницких и Заславских...»³¹

Вот Вам и влияние русского помещика. Где же оно? Как был польский пан, так и остался. И на Левобережье были такие же паны, только числом поменьше. Но Левобережье исторически тяготело к России, поэтому здесь, в результате взаимодействия украинского и русского языков, выработался некий усредненный язык, который некоторые деятели украинской культуры презрительно называют «суржигом». На самом деле это нормальный, полноценный украинский язык, в котором просто меньше полонизмов, чем в языке западных украинцев, обитающих в непосредственной близости от очага «украинизации» языка – Польши.

Представляет интерес и вот такой Ваш пассаж:

«Я не считаю украинский народ двуязычным, как у мордвы (язык «ерзя» и язык «мокша»). Он имеет только один язык – украинский – и только с ним может отождествлять себя и свою державу».

Пафос этого высокомерного пассажа очевиден: украинцы – это вам не какая-то там мордва, чтобы и далее мириться с такой исторической реальностью, как собственное двуязычие. Поэтому нужно срочно, любой ценой и, не считаясь с мнением подавляющего большинства граждан Украины, создать новую, никогда прежде не существовавшую реальность, в которой один из наших местных языков (русский) стал бы счи-

³¹ Орест Субтельный «Украина, история». Киев, 1992, с. 244.

таться иностранным, чуждым и враждебным для истинного, «щирого» украинца – «мовою сусідньої держави».

Для «научного» обоснования этой безграмотной, нелепой идеи во всех националистических изданиях Украины развернулась шумная, массивованная кампания по шельмованию русского языка и его носителей – русскоязычных граждан, для которых успели придумать множество презрительных кличек вроде «российские шовинисты», «пятая колонна», «украинофобы», «земли своей ненавистники», «манкурты» и т. п. и т. д.

Цитирую:

«...Украинский язык, имея бумажно-государственный статус, таковым не является на 2/3 своей территории».

Узнаете? Это же Ваши слова, пан Лосив. То есть Вы констатируете и без того хорошо всем известный факт, что подавляющее большинство населения Украины русскоязычно. И вот, в связи с этим, я Вас спрашиваю: а хорошо ли Вы осознаете всю грандиозность задуманного мероприятия по лишению двух третей населения Украины привычного, родного языка, который дает их обладателям столько преимуществ?

Я уж не говорю о том, что для подобной операции нет никаких исторических, этнических и даже хозяйственно-экономических оснований. Но Вы хоть на миг представьте себе, какую массу и без того трудно живущих людей нужно выбить из привычной колеи, обидеть, принудить к отречению от родного языка.

И ради чего? Ради удовлетворения амбиций незначительного количества украинских интеллигентов, ностальгически тоскующих по неким прежним, ими же самими выдуманному времени, когда на Украине будто бы господствовал один украинский язык. Но таких времен, как мы знаем, никогда не было: русский язык всегда был составной и неотъемлемой частью культуры народа Украины.

Если верить нашим рьяным борцам с мнимой «русификацией», то Россия более трехсот лет будто бы изо всех сил пыталась навязать украинцам абсолютно чуждый им русский язык. И что же? «Русифицировались» почему-то только города, а село как было, так и осталось украиноязычным.

Получается так: либо «русификация» – миф, либо насильственные методы навязывания языка совершенно неэффективны. На мой взгляд, верно и первое, и второе. Так что давайте оставим языковую проблему в покое. Нравиться кому-то украинский язык – на здоровье! Больше нравится русский – прекрасно! Но – никакой «русификации» и никакой «украинизации» в нашем правовом обществе быть не должно.

И в заключение, пан Лосив, я хочу присоединиться к Вашим вполне справедливым словам:

«Думаю, что не было бы у нас проблем с языками, если бы наши граждане были бы искренними патриотами своей страны и больше бы заботились о ней, чем о соседях. Когда в хате хорошо, когда ей ничего не угрожает извне – всегда легко договориться. Сначала давайте наведем порядок в нашей Хате, обезо-

пасим ее от всех угроз, а потом вернемся к нашим с Вами внутренним делам. Согласны?»

Да, конечно согласен и поэтому жду от Вас и Ваших единомышленников прекращения «крестового похода» против нашего русского языка. Абсолютное большинство русскоязычных граждан Украины точно такие же патриоты своей, как Вы пишете, Хаты, в чем нетрудно убедиться, вспомнив результаты референдума в декабре 1991 года. Или это, по-вашему, за независимость Украины голосовали «российские шовинисты» и «пятая колонна»? Подумайте над этим, пан Лосив.

Григорий Пивторак, доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института языкознания им. Потебни НАН Украины:

«НЕ БУДЕМ ИНОСТРАНЦАМИ НА СВОЕЙ ЗЕМЛЕ»

(В. К. 13.12.94).

Статью видного украинского филолога Григория Пивторака можно без преувеличения сравнить с «ар-

тиллерией крупного калибра», с помощью которой «Вечерний Киев» рассчитывал разнести в клочья мою довольно робкую попытку обратить внимание общественности на историческую необоснованность развернувшегося на Украине гонения на русский язык, на очень древнее происхождение нашего двуязычия, на необходимость законодательного закрепления этой объективной реальности нашего бытия.

Или, скажем, так: для пущего эффекта на сцену был выпущен маститый король, известный не только своими изысканиями в области филологии, но еще и способностью разоблачать всевозможных диссидентов и отступников от науки, а также и дилетантов вроде меня.

И редакция не ошиблась: залп был сделан довольно звучный! Король не подкачал и вывалил целый ворох неопровержимых (по его мнению) аргументов. Казалось бы, после этого мне ничего другого не оставалось, как немедленно стушеваться и признать свои заблуждения. Но, то ли залп оказался больше похожий на простой пшик, то ли король предстал, мягко говоря, неглиже, но вся приведенная им аргументация оказалась какой-то малоубедительной, вторичной, искусственной и буквально притянутой за уши.

Высокоученый пан филолог не нашел ничего лучше, как прибегнуть к все той же «Теории описок и ошибок» («Теории рассеянных писарей»). Цену этой так называемой горе-теории мы уже знаем, и принимать ее в качестве научного аргумента никак

не можем. Таким образом, ученый так и не смог сообщить что-нибудь новое, чего я бы не учел, принимаясь за составление «Открытого письма канадскому украинцу Петру Кравчуку». И все, же давайте хотя бы очень кратко разберем статью уважаемого пана профессора Григория Пивторака.

В самом начале статьи автор сообщает, какой «гнев и удивление» охватили всё его существо после прочтения моего «Открытого письма»:

«Как может цивилизованный человек конца XX ст., который, должно быть, окончил не одно учебное заведение, в своем мировоззрении и понимании исторических процессов оставаться на уровне киевских мещан-украинофобов прошлого столетия, которые искренне верили в особый статус русского языка и не сомневались в безапелляционно-категорическом приговоре царского министра внутренних дел Валуева украинскому языку: «Никакого особого малорусского наречия не было, нет и быть не может».

Тут пришла очередь удивиться и мне: как может филолог, столько лет посвятивший истории украинского языка, не знать элементарного? Ведь процитированный им «приговор» принадлежит отнюдь не Валуеву! Чтобы убедиться в этом, достаточно ознакомиться с подлинными, а не перевернутыми словами министра. Вот они:

«Самый вопрос о пользе и возможности употребления в школах этого наречия не только не решен, но даже возбуждение этого вопроса принято большинством малороссиян с негодованием, часто высказываемым в печати. Они весьма основательно доказывают, что никакого особенного малороссий-

ского языка не было, нет и быть не может и что наречие их, употребляемое простонародьем, есть тот же русский язык, только испорченный влиянием на него Польши; что общерусский язык так же понятен для малороссов, как и для великороссиян и даже гораздо понятнее, чем теперь сочиняемый для них некоторыми малороссиянами и в особенности поляками так называемый украинский язык. Лиц того кружка, который усиливается доказать противное, большинство самих малороссов упрекает в сепаратистских замыслах, враждебных России и гибельных для Малой России».

Таким образом, ясно, что приписывать Валуеву то, что говорили и писали «большинство малороссиян» по меньшей мере неэтично.

Далее пан Пивторак демонстрирует нам правильное «мировоззрение и понимание исторических процессов»: он воспроизводит расхожую байку о «колониальных» страданиях Украины в составе «імперії», о «русификации» украинских городов, о жутких препятствиях, которые чинила зловередная Россия «возрождению национального сознания обманутых длительной дезинформацией украинцев». Словом, спешит заявить о своем верноподданническом отношении к господствующей ныне националистической идее, краеугольным камнем которой является возбуждение ненависти к России.

Если бы память пана филолога не была бы столь коротка, то он без сомнения, вспомнил бы, что лишь благодаря возвращению Украины в спасительное лоно общерусского государства она не успела подвергнуться окончательному и бесповоротному ополячиванию, пре-

вращению в глухую провинцию Польского королевства и, по сути дела, к исчезновению с исторической арены.

Лишь наивный романтик, полностью оторванный от исторических реалий или закоренелый невежа может поверить в то, что борьба Богдана Хмельницкого против Польского королевства могла увенчаться успехом и провозглашением независимого государства.

Не говоря уже о том, что идеи украинской государственной независимости в то время еще в природе не существовало, аграрная Малороссия не имела ни собственной промышленности, ни нормального государственного устройства, и ее окончательное поражение от мощной Польши было лишь вопросом времени.

Хмельницкий это хорошо понимал и поэтому не только не стал препятствовать стихийному движению украинцев к воссоединению с единоплеменным и единоверным русским народом, но и сам возглавил это движение. И не ошибся: воссоединение с Россией спасло украинский народ от неминуемого и окончательного ополячивания и исчезновения.

Воссоединение не только позволило Украине выжить, но и с помощью СССР впоследствии собрать воедино все свои этнические территории – Западную Украину (1939), Бессарабию и Северную Буковину (1940), Закарпатскую Украину (1945), да еще получить от России поистине бесценный подарок – Крымскую жемчужину (1954).

И все это, заметьте, сверх тех обширных территорий, которые еще в XVII в. Россия предоставила укра-

инским переселенцам, бежавшим от так называемой «гетьманщины», доведшей страну до полной «руины». Иными словами, Украина своим нынешним состоянием целиком и полностью обязана России – и царской, и Советской в равной мере.

Даже сами названия «Украина» и «украинский язык» впервые получили официальный статус лишь при Советской власти. А если уж быть объективными и откровенными до конца, то следует признать, что и независимым государством в наше время Украина стала отнюдь не в результате мнимых «вызвольных змагань» (освободительной борьбе) националистических воинских формирований вроде дивизии СС «Галычына», карательных батальонов «Роланд» и «Нахтигаль», или отрядов ОУН-УПА. Все эти «вояки» воевали на стороне Германии, помогая ей против своего народа, убили массу ни в чём не повинных людей. Их «освободительная борьба», по сути джеда, заключалась в том, что они помогали гитлеровцам освободить захваченные территории от «туземцев», расчищая «жизненное пространство» для германской нации. Нет, обретение Украиной независимости никак не зависело от количества убитых в годы войны «москалей», поляков, украинцев, евреев и цыган. Это было следствием геополитической борьбы стран Запада против России.

В свете сказанного, пан Пивторак, все ваши гневные обвинения «имперії» выглядят, очень мягко говоря, безосновательными. Вы уж извините, но именно о таких, как Вы, демонстрирующих глубокие провалы

в памяти, как раз и говорится в известной пословице об Иванах, не помнящих родства.

Идем далее. Вот Вы пишете:

«Во многих российских средствах массовой информации и даже в десятках научных трудов стало модой подменять понятия «Древняя Русь» и «древнерусский» более простым и кое-кому более выгодным «Русь», «русский». Таким образом, термин «русский» у них стал означать и «российский» и «руський», что привело к далеко идущим выводам: Киевская Русь – это просто Русь, та самая, что и Россия, русский язык – это «русский язык». Таким образом выходит, что сегодняшний российский язык звучал еще в златоверхом стольном Киеве, а это значит, что древнерусские обитатели Киева, как и все славянское население Киевской Руси были «русскими», т. е. россиянами... Абсурдность такого подхода очевидна даже рядовому школьнику».

Ну что ж, если, по-вашему, русские (ах, простите, «российские») филологи по своему профессиональному уровню стоят много ниже рядового школьника, вполне можем обойтись и без них.

Вы утверждаете, что они нарочно именуют древнеславянское государство неправильным названием Русь. Что можно сказать по этому поводу? Только то, что не обязательно быть рядовым школьником, чтобы знать элементарное: древнеславянское государство называлось Русская земля, сокращенно именно Русь, а не Древняя Русь. Естественно, что граждане Руси называли себя русскими людьми, или просто русскими. Поэтому, во избежание всевозможных ошибок и разночтений будем уж лучше называть вещи своими именами.

Вы оспариваете право современных жителей России называть себя русскими. По-вашему они должны именоваться россиянами, так как этноним «русские» принадлежит исключительно украинцам. И вообще, по Вашему, нельзя говорить «русские», правильнее будет «русские».

Не вижу смысла тратить время и полемизировать на совершенно дикую тему: имеют ли право русские называть себя русскими. Скажу лишь, что за всю тысячелетнюю историю Руси на ее землях никогда не было такого периода, чтобы ее жители считали и называли себя не русскими людьми, а как-то иначе. Даже на ее юго-западных землях, надолго попавших под польское господство, люди продолжали именовать себя по-старому – русскими, хотя вследствие сильного ополячивания (украинизации) их языка древний этноним «русские» трансформировался в полонизированную форму «русские».

Что касается бытующего на Украине обычая называть сегодня русских россиянами, то это явная бессмыслица, так как этноним «русский» обозначает национальность, а «россиянин» – подданство. Русским может быть только русский, а россиянином – человек любой национальности.

Казалось бы, ну какая, в конце концов, разница, говорить «русский» или «русский» – смысл-то от этого не меняется? Но нет, за одной вполне обычной буквой алфавита кроется целое мировоззрение, особая идеология, тщательно взлелеянная и выпестованная несколь-

кими поколениями украинских национал-сепаратистов прозападного толка, ярыми сторонниками разрушения общерусского единства.

Если лексема «русский», встречающаяся иногда в древнерусских текстах (точнее, в их позднейших копиях второй половины XVI века), характерна для украинского языка, значит авторы этих текстов были чистокровные украинцы! А отсюда будто бы следует, что древняя Русь была государством украинским, и только украинцы имеют исключительное право считаться сегодня единственными преемниками культурно-исторического наследия древней Руси. Отсюда и искусственная, придуманная М.Гркшевским и никем в мире больше не употребляемая конструкция «Украина-Русь» (что-то вроде «Византия-Турция»).

Авторов этой «теории» нисколько не смущает тот факт, что в копиях древних текстов, кроме редких вкраплений слова «русский» повсеместно и широко употребляется и его основная и более древняя форма "русский". Ну вот, хотя бы, несколько примеров, взятых мною из «Повести временных лет» (Киев, 1990):

«А Днепръ втечетъ въ Понтское море тремя жерлы, иже море словеть Руское...» (с. 14).

«Отъ перваго лета Михаила сего до перваго лета Олгова, Рускаго князя, лет 29» (с. 26).

«Се буди мати городомъ Рускымъ» (с. 34).

«А Словенескъ языкъ и Рускый одинь» (с. 40).

«И бысть тишина велика в земли Руской» (с. 236).

По Вашей, извините, «теории», пан Пивторак, все формы этнонима «русский», в изобилии встречающе-

гося в древнерусских текстах, – не в счет, главное – это те редкие случаи, когда переписчик мягкий знак употребил. Вот эти-то редкие вкрапления будто бы и доказывают украиноязычие жителей древней Руси. Очень, очень убедительная "теория"!

Знаю, знаю, пан Пивторак, что Вы думаете, читая эти строки: да не в одном слове все дело, а во всей совокупности совершенно ясных и четких протоукраинских фонетических, лексических и грамматических черт, имеющихся во многих древнерусских текстах!

Очень хорошо знаю и Вашу последнюю монографию «Украинцы: откуда мы и наш язык».³² Цитирую:

«Время возникновения украинских речевых особенностей, а по их совокупности – и украинского языка вообще, установить трудно. Совершенно ясно, что для этого необходимы неопровержимые факты – фиксация тех или иных речевых черт или явлений в письменных памятниках. Если бы древнерусские книжники старались как можно быстрее выявить и зафиксировать новые черты в народной речи, письменные памятники прошлых эпох были бы отражением исторического развития языка, следовательно, задача современных исследователей упростилась бы. Однако древнерусская письменная практика базировалась на прямо противоположных принципах: придерживаться книжной традиции и ни в коем случае не допускать в книги простонародные элементы. Пока эти черты были спорадическими и малоприметными, книжникам легко удавалось их игнорировать. Однако через некоторый, иногда значительный промежуток времени после своего возникновения различные диалектные явления становились настолько привычными и неотъемлемыми особенностями народного языка, в том числе и бытовой речи

³² Киев, 1993.

самых книжников, что невольно, в виде отдельных описок стали попадать в книжки. Таким образом, начало фиксации какой-нибудь диалектной черты свидетельствует не о ее появлении именно в это время, а о том, что на данный момент такая черта уже не только существовала, но и стала нормой живой народной речи. По мнению некоторых историков языка, между возникновением диалектной особенности и началом фиксации ее в письменности в виде описок проходило в среднем целое столетие» (С. 108).

Все в этой обширной цитате больше похоже на зыбкие, маловероятные предположения, чем на научные аргументы. С одной стороны Вы сетуете на трудности с установлением времени возникновения украинских речевых особенностей и в целом украинского языка из-за отсутствия «неопровержимых фактов», а с другой стороны нисколько не сомневаетесь в том, что во времена Киевской Руси украинский язык уже существовал. На чем же базируется столь непоколебимая убежденность? А вот на чем: не имея никакой возможности документально подтвердить фантастическую идею о широком распространении украинского языка в Киевской Руси, Вы и Ваши единомышленники просто вынуждены теперь выдумывать байки о надменных и вредных древнерусских книжниках, которые будто бы умышленно игнорировали свой родной якобы украинский язык.

Ох уж эти древние книжники! Ох уж этот Нестор-летописец: вместо того, чтобы просто и ясно написать на своем родном украинском языке – «Вид тых словэн розийшлыся по земли и прозвályся имэнамы свойимы,

дэ хто сив, на якому мисци» – он, предвосхищая современных «шовинистов» и «украинского языка ненавистников», взял, да и написал в своей «Повести временных лет»: «Отъ техъ Словень розидошася по земли и прозвашася имены своими, где седше на котором месте».

Вот видите, в пору нам отмечать почти тысячелетний юбилей «дискриминации» украинского языка!

Что касается «отдельных описок», которые, по вашему, неопровержимо доказывают широкое распространение украинского языка в древней Руси, то выше я уже детально разобрал и анализировал эту смехотворную «Теорию описок и ошибок» («Теорию рассеянных писарей»), искусственно сконструированную на ошибочном и предвзятом толковании позднейших копий древних рукописей. Поэтому нет никакой необходимости вновь повторять те же самые аргументы. Как говорили древние – *Sapienti sat*³³...

Не стану также углубляться в Ваши изыскания в области выявления и описания основных диалектных черт, приведших в конце концов к возникновению украинского языка. Не сомневаюсь, что эта часть монографии составляет квинтэссенцию всей работы и является серьезным вкладом в филологию. Единственное уязвимое место – это неверное определение времени и отсутствие объяснения причины появления и дальнейшего развития этих диалектных протоукраинских признаков в славянорусском языке.

³³ Для умного достаточно (лат.)

И это, по-видимому, не случайное упущение, ведь Вы ни за что не хотите признать тот факт, что главной причиной возникновения и развития этих диалектных черт является распад древней Руси и полонизация языка малороссиян.

Выше я уже отмечал, что в северо-восточных княжествах славянорусский язык продолжал начатое в Киевской Руси свое саморазвитие без всякого постороннего влияния, в то время как в юго-западных княжествах (т. е. на землях будущей Украины) в это время происходило скрещивание славянорусского языка с господствующим польским. Это и было главной причиной возникновения и развития основных протокраинских диалектных признаков языка.

Есть в Вапшей статье еще несколько оригинальных соображений. Например, такое: русский язык сформировался, по меньшей мере, на 200 лет позднее украинского. Тут, собственно и дискутировать не о чем: полная нелепость этого «открытия» очевидна (здесь я по примеру Пивторака чуть не написал «даже рядовому школьнику»), но воздержался: школьники не настолько глупы, чтобы повторять подобную чепуху. А на каком же языке русские люди разговаривали раньше? Уж не на украинском ли?

В заключение хочу еще обратить внимание читателя на заголовок статьи Григория Пивторака: «Не будем иностранцами на своей земле». А к заголовку дан еще и подзаголовок: «По поводу одного открытого

письма», из чего со всей очевидностью следует, что таким «иностранцем» уважаемый пан филолог считает мою скромную персону.

Здесь мы имеем дело с особой, присущей одним только украинским ученым формой научного мышления: допустимо выдумывать, сочинять, измышлять и публиковать любую, самую фантастическую чушь – и никто не обвинит вас ни в невежестве, ни в глупости, не назовет «иностранцем на своей земле», лишь бы вы делали это во славу Украины и укреплению «державности».

Вот на этой высокой ноте и позвольте мне закончить свою полемику с высокоученым паном филологом Григорием Пивтораком.

Анатолий Зализный, инженер из Белой Церкви.

«НЕ ДОВОДИТЕ МЕНЯ ДО ГРЕХА

(В.К.14.12.94)

Данная публикация не содержит никаких скольконибудь существенных аргументов против отстаиваемого мною естественного права двух третей населения Украины разговаривать, получать образование и обучать детей на своем родном русском языке, или, с учетом принятой у нас терминологии «а рідній мові» Тем более, что ее автор согласен с самой сутью моих исследований: «Да, русский язык на Украине полонизирован и он стал украинским»

Хотелось, чтобы эту простую истину усвоили и высокоученые украинские филологи, которые вопреки понятию научной добросовестности отрицают очевидный факт ополячивания нашего языка и продолжают твердить о чрезвычайной древности украинской мовы, хотя даже само слово «мова» является откровенным полонизмом, ибо в древнерусском языке его нет. А вот в польско есть – *mowa*.

Автор публикации является моим полным тезкой в украинском, так сказать, варианте: Анатолий Иванович Зализный. По поводу своей фамилии он пишет так:

«Нас, Зализных, на Черниговщине много, и никто не превратился в Железного. Хотя попытки превратить были. Но я заявил учительнице русского языка, что если я Железный, то Пушкин – Гарматный. Кстати, она получала зарплату большую, чем учительница украинского языка. Наверное, за то, что «спасала» село от украинизации, или, может быть, за то, что русский язык был все-таки иностранный?».

Что можно сказать по поводу этого пассажа? Только то, что господин Зализный, мягко говоря, сильно лукавит, ради красного словца позоря свою учительницу, выставяя ее полной невежей, которая, будто бы не знает, что фамилии никогда, ни при каких обстоятельствах на другие языки не переводятся. И вообще, можно ли представить себе учительницу, которая бы требовала у своего ученика поменять фамилию с украинской на русскую? Стыдитесь, господин Зализный, у любой лжи все-таки должен быть какой-то предел.

Кроме того, при Советской власти обучение в школах Черниговщины, как и вообще в провинциаль-

ных школах традиционно украиноязычных областей Украины, велось исключительно на украинском языке. Ни о какой «русификации» не было и речи! Русский язык был обычной школьной дисциплиной, такой же как химия, физика, математика и т.д.

Напрасно, Вы господин Зализный, видите в этом факте злой умысел («спасала» село от украинизации). По Вашей логике выходит, что если выпускник украинской школы будет знать русский язык и благодаря этому всегда сможет найти взаимопонимание в любом уголке многонациональной страны, он будет в чем-то уступать тому, кто русского языка не изучал и не знает.

По-Вашему знать русский язык – значит «русифицироваться». Если продолжить Вашу мысль, то получится, что знать, скажем, английский язык, значит неминуемо «американизироваться». Так?

Далее Вы объясняете, что в древности был некий «руський» язык, а потом на его основе образовались два языка: украинский и «российский». И добавляете в мой адрес: «Так что не нужно нас обманывать!».

Мне остается лишь удивляться. Повторив общепринятую точку зрения на формирование русского, украинского и, кстати сказать, белорусского языков на основе древнерусского языка, и которую я по мере своих знаний отстаиваю в своей книге, господин Зализный умудряется меня же в чем-то обвинить! На самом деле обвинять нужно не меня, а тех недобросовестных филологов, которые в угоду сиюминутной политической конъюнктуры взялись доказывать, что в древности был

только один украинский язык, а русский («российский» по их полонизированной терминологии) образовался, по словам профессора Григория Пивторака – «на 200 лет позднее». Зря Вы им поверили, это они обманули Вас, неискущённого в вопросах языкознания доверчивого человека.

Интересна также и Ваша позиция в отношении официального статуса русского языка на Украине. Цитирую:

«Представьте себе, что русскому языку предоставили статус официального... Хорошо. Украинский язык будет уничтожен. Так и скажите, что вы этого хотите».

Удивляюсь, господин Заплизний, Вашей убеждённости в нежизнеспособности украинской мовы. Получается, что как только появится легальная возможность отказаться от своего родного украинского языка, то все украинцы непременно воспользуются и тут же «русифицируются»! Невысокого же Вы мнения о своих единоплеменниках. Или Вы судите о них по себе? Мне кажется, что тот, кто дорожит своим родным языком, ни за что ему не изменит. Я в этом уверен потому, что тоже сужу по себе.

И, кроме всего прочего, на каком основании Вы называете меня своим «русифицированным» тезкой? Я отношусь к категории русскоязычных граждан Украины не потому, что я «русифицировался» и поменял свою фамилию Зализний на Железный, а по той простой причине, что я никогда не изменял своему родному языку, а воспринял его от моих родителей, которые

тоже от рождения были русскоязычными, как и их родители, и вообще все предки неизвестно до какого колена (все по отцовской линии испокон веков коренные киевляне). Моя фамилия Железный – наше родовое достояние и никто ее не «русифицировал», как Вы почему-то предполагаете.

И в заключение Вы в конце своей статьи обращаетесь ко мне с такими словами: «Не доводите меня до греха...» За тремя точками явно угадывается многозначительное «не то...» Что-то я не пойму: Вы мне угрожаете расправой за филологические исследования происхождения русско-украинского двуязычия на Украине, или за мою верность своему родному русскому языку?

Впрочем, это неважно. Однако не забудьте, что нас, русскоязычных граждан, в стране подавляющее большинство. Со всеми Вы вряд ли справитесь.

Профессор, доктор филологических наук
Андрей Бурячок

«ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В КИЕВСКОЙ РУСИ»

(В. К. 23.12.1994)

Свою статью филолог Бурячок начинает с того, что в самой категорической форме отрицает общепринятую и вполне отвечающую историческим реалиям концепцию, согласно которой до татаро-монгольского нашествия на всей Руси, несмотря на некоторые пле-

менные и диалектные различия, существовал один древнерусский народ с единым древнерусским языком.

Разделение Руси на изолированные друг от друга части привело к постепенному образованию трех ветвей единой русской народности – русских, украинцев и белорусов, говорящих на хотя и сходных, но все же отличающихся один от другого языках. По мнению Бурячка никакого древнерусского народа никогда в природе не существовало, а были одни лишь древние украинцы (так называемые «руськие»). А россияне – именно так сейчас на Украине официально именуют русский народ – возникли значительно позже из слегка ославяненных и окрещенных украинцами угрофинских племен.

Кроме того, нынешние россияне не имеют никакого права называть себя ни русскими, ни даже россиянами, так как до Петра I их государство называлось Московией, а его жители, соответственно, «москвитами». Москвиты умышленно приняли древнеукраинский этноним «руськие» для того, чтобы таким путем распространить и на себя древнюю украинскую историю и, приписав себе лишние столетия, узаконить свои притязания на территорию соседнего государства – Украины-Руси. Путем таких вот ухищрений бывшая Московия превратилась в Россию и стала «Импэрией»

Об антинаучных и даже невежественных попытках «украинизировать» древнюю Русь я уже писал. Поэтому остановлюсь лишь на выдумке о Московии

и москвитях. Для ее опровержения нет необходимости проводить целую дискуссию, достаточно обратиться к древнерусским летописям, относящимся к допетровскому периоду нашей истории. Ну вот, скажем, в Никоновской летописи рассказывается о поездке великого князя Василия Дмитриевича в 1364 году в Орду:

«Князь великийи жъ поиде ко царю во Орду и многу честь прия отъ царя Тахтамышша, яко ни единъ отъ прежнихъ князей; и предаде ему царь Тахтамышъ Новгородъ и Городецъ со всемъ, и Мещеру и Торусу, – и много любезно его жаловавше и отпусти его на Русь».

Спрашивается: если бы государство называлось в то время «Московия», то почему Тахтамыш отпустил его «на Русь», а не в «Московию»? Действия Тахтамышша не укладываются в логику националистически мыслящего персонажа: великий князь приехал из Московии, а царь отпустил его почему-то «на Русь», т. е. на Украину, так как украинские националисты название Русь относят только к Украине.

Как видите, пан Бурячок, если встать на Вашу точку зрения, то получается какая-то чепуха! Нет уж, будем лучше называть вещи своими именами: Русь – это значит именно Русь и никак иначе.

Далее берем Новгородскую IV летопись и читаем описание похода Великого князя Дмитрия Иоанновича (будущего Донского) на Тверь в 1375 году. Вначале летописец приводит список князей, принявших участие в покорении Твери, а далее пишет так:

«И бысть июля в 29 поиде кн. в. Дмитрий съ Волока со всеми речеными князи рускими совокупяся и съ всею силою рускою, в той же день нача воевати волости Тферския...»

И опять я спрашиваю Вас, пан Бурячок: если государство официально называлось, как Вы изволили написать, «Московия», то почему уже другой летописец называет князей именно русскими, а не московскими? Что, эти (и все прочие) летописцы уже тогда специально сговорились приписывать москвитам древний «украинский» этноним? Сколько же тогда лет заговору «москалей» против украинцев?

Да, действительно, некоторые иностранные источники иногда называли Московское княжество (а не всю Северо-восточную Русь) Московией, а Юго-западную Русь - Киевия, за неимением иного официального названия этого края (название Украина появилось значительно позже). Но сами-то жители обеих частей Руси лучше кого бы то ни было знали, как называется их родина – Русская земля, Русь, себя считали русским людьми, а своих князей – русскими князьями.

Вы уж извините, пан Бурячок, но серьезный ученый, каким бы пылким патриотом своего края он не был, не имеет права опускаться до уровня невежественных баек идейных, зоологических русофобов. «Национальнэ видроджэння" – дело благое, но оно не должно исключать не только научную, но также и человеческую порядочность.

Затем Вы, стремясь доказать широкое распространение украинского языка в древней Руси, тоже ссылае-

тесь на рассеянного писаря, который, мол, чисто случайно допускал описки и ошибки, имеющие характер «украинизмов», ибо сам был украиноязычным простолюдином. И приводите длинный перечень этих «описок». Но почему Вы так уверены, что это простые описки писаря?

Добросовестный филолог должен не списывать имеющиеся грамматические видоизменения некоторых древнерусских слов на простую рассеянность писаря, а попробовать разобраться в механизме этих видоизменений в славянорусском языке в процессе его скрещивания с польским языком на землях юго-западной Руси (будущей Украины). Тут для филолога непочатый край работы, так как игнорирование и замалчивание полонизации нашего языка лишило исследователей возможности разобраться в самой сути, в самой сердцевине механизма возникновения украинского языка.

Стоит также поговорить и о Ваших, пан Бурячок, соображениях относительно автора бессмертного «Слова о полку Игореве». По Вашему мнению «автор этого произведения – человек, который стоял ближе к простонародью, чем бояре или монахи. Поэтому и язык его произведения обильно пересыпан украинизмами».

Что касается «украинизмов-полонизмов», то мы уже имели возможность убедиться, что их в оригинальном тексте «Слова» не было и быть не могло, они были внесены в позднейшие списки этого произведе-

ния переписчиками, жившими, по меньшей мере, триста лет спустя.

А вот с личностью автора Вы явно попали впро- сак. Если бы Вы внимательнее следили за новыми по- являющимися у нас интересными публикациями, то смогли бы узнать, что в настоящее время введена в научный обиход так называемая «История Джагфа- ра» – сборникдревнебулгарских летописей.³⁴

В «Истории Джагфара» имеются данные и об ав- торе «Слова о полку Игореве» – им был князь Влади- мир Святославович, сын великого князя Святослава Киевского. Хорош «простолюдин», не правда ли?

Оставим в стороне антинаучное националистиче- ское утверждение о том, что все славянские языки про- изошли от украинского(эту небылицу Вы не постесня- лись повторить в своей статье). Поговорим о самом ук- раинском языке. Вы утверждаете, что «сейчас он один из наиболее богатых и наиболее развитых языков ми- ра». Тогда почему же уже в наши дни затеяна колос- сальная работа по формированию украинской научной, технической, медицинской и прочей терминологии? В чем же тогда заключается «богатство» и«развитость» украинского языка?

Вот передо мной лежит статья некого Вячеслава Панфилова «Украинская терминология должна иметь собственное лицо».³⁵ Автору этой статьи почему-то

³⁴ См. Украинский культурологический альманах "Хроника 2000 – Наш край" №1 за 1992 г.

³⁵ Киевский вестник за 03.04.1993.

не нравится, что многие украинские электротехнические термины совпадают с русским: *виток, гайка, генератор, катушка, коммутатор, реостат, статор, штепсель...*

Вместо этих «москальских» терминов он требует принять такие истинно украинские: *звій, мўтра, виторець, цївка, перелучный, опірниця, стоян, притичка...*

Что это за слова, откуда они взялись? Все очень просто: открываем польский словарь и читаем: *zwoj, mutra, wytwormica, cewka, przełącznik, opornik, stojan, wtyczka*. Вот вам и «совершенствование технической терминологии»: ее «собственное лицо» приобретает давно знакомые польские черты! В то время как одни упорно отрицают наличие в украинском языке огромного количества полонизмов, другие с маниакальным упорством продолжают его дальнейшее ополячивание.

А вот еще одна статья в том же номере «Киевского вестника». Ее автор, киевлянин Владимир Куевда уже самым заголовком ставит вопрос ребром: «Самописка» или «авторучка»? И далее рассказывает такой эпизод из своей школьной жизни.

«Приехавшая из России» учительница, игнорируя местные «традиционные закономерности национального словообразования», требовала от своих учеников, чтобы они вместо «самописка» говорили «авторучка». До сих пор пан Куевда не может простить своей учительнице «разрушительных филологических влияний, как следствие нарушения природной духовной ауры,

диссонанса ритмов, в которых пребывает человек». Ни больше и ни меньше!

Я тоже киевлянин и очень хорошо помню, как в 1946-1947 гг. в нашем школьном быту появилась эта самая «самописка». Наша преподавательница русского языка Надежда Валентиновна объяснила нам, что слово «самописка» неграмотное, что по-русски это приспособление называется «автоматическая ручка» – авторучка.

Конечно, мы понимали, что она права, но у нас, пацанов, была своя «духовная аура» и между собой мы все равно продолжали говорить «самописка». Потом мы подросли, поумнели, выучились и начисто забыли послевоенную школьную «самописку». А вот пан Куевда не забыл и теперь гневно клеймит происки «москалей» против украинского языка.

А как бы, кстати, пан Куевда назвал по-украински *самописку* с учётом «традиционны» закономерностей национального словообразования? Может быть, *самопыська*?

Понять логику пана Куевды вообще трудно: гневно выступая против «перенасыщения любого языка чужеродными словами», он тут же требует заменить такое привычное, родное слово «паяльник» на польское "лютник"!

И вообще, если наш язык так богат и развит, почему нам постоянно навязывают какие-то новые, по большей части польские слова? Вместо телефонной трубки – «слухавка», вместо поздравляемо – «здоровымо», вместо аэропорта – «лэтовыщэ», вместо фото-

графии – какая-то «свитлына», вместо плана – «плян», вместо мифа – «мит» и т. п. и т. д.

Как видите, пан Бурячок, формирование украинского языка все еще продолжается, причем в том же направлении, которое ему было задано с самого начала – в направлении дальнейшего ополячивания, к которому наши «розбудовныкы дэржавы» добавили еще и целенаправленную, искусственную «дерусификацию», т.е. замену многих общих для русских и украинцев слов либо на польские, либо на нововымышленные, якобы «украинские» слова.

И в заключение, пан Бурячок, скажу, что я удовлетворен Вашим выступлением, так как Вы, не сумев найти сколько-нибудь убедительных контрдоводов, лишь подтвердили правильность моей позиции. Благодарю.

Петр Кравчук, литератор, историк и общественный деятель украинской диаспоры в Канаде

«НЕ БРОСАЛИ Б КОЛОД ПОД НОГИ»

(В. К. за 11.01.1995)

«Мое Открытое письмо канадскому украинцу Петру Кравчуку» вскоре достигло своего адресата и вот на страницах «Вечернего Киева» появился ответ. Сразу надо отметить, что мой уважаемый заокеанский оппонент не позволил себе опуститься до уровня наших высокоученых филологов, дружно навесивших на меня

множество унижительных ярлыков, и не стал оспаривать саму суть моей статьи:

«Не собираюсь соревноваться с Вами ни в филологии, ни в лингвистике. Тут, наверняка, пальма первенства за Вами».

В своей короткой статье Петр Кравчук в очень корректной форме рассказал о своей многолетней деятельности по укреплению дружеских связей канадской украинской диаспоры с исторической родиной – Украиной, о книгах, которые он написал, о своей озабоченности за успех начавшихся на Украине преобразований. В общем, его позиция понятна и вызывает лишь уважение.

И, тем не менее, отдавая должное общественной деятельности канадского гражданина Петра Кравчука, я не могу согласиться с некоторыми положениями его статьи, не отвечающими, на мой взгляд, историческим реалиям.

Ваша родина Галичина, пан Кравчук, ранее других была отторгнута от Руси и поэтому дальше всех отошла от русских традиций. Здесь русско-польский диалект достиг наибольшей степени развития по сравнению с другими регионами Украины. Видимо, по этой причине Вам не известно, что на восточных землях Правобережья и на всем Левобережье Украины формирование русско-польского диалекта проходило намного медленнее, и славянорусский язык не только продолжал сохранять свои позиции, но и развивался по таким же законам, что и на великорусских землях.

Этому способствовали и постоянные торговые контакты, и книгообмен, и миграционные процессы. Поэтому Вы поступили несправедливо, когда написали такое:

«Приезжая на Украину, мы надеемся услышать на родной земле, или на земле наших предков слово, сказанное на родном языке, а нам говорят суржиком. Так делается больно, очень больно!»

Что ж, давайте разберемся, оставив на время в стороне наши эмоции. Итак, посещая Украину, Вы ожидаете услышать от нас, местных жителей, «слово, мовлене рідною мовою». В Вашем понятии «рідна мова» (родной язык) – это та самая мова, которую Вы бережно сохранили в далекой Канаде и которую Вы называете «мовою батьків» (языком родителей).

Что ж это за мова? Вы родились и до 19 лет жили в Галичине, следовательно, Ваш родной язык – галицийский диалект украинского языка, имеющий, увы, мало общего с языком жителей средних и восточных регионов Украины. Галицийский диалект – это наиболее ополяченный и, если можно так выразиться, обавстриенный язык, слишком далеко ушедший от первоначального, материнского языка Киевской Руси.

Так уж распорядилась история, что в отличие от Галичины средние и восточные регионы Украины намного раньше освободились от польского господства и, следовательно, от воздействия польской культуры, поэтому ополячивание нашего языка не достигло здесь такой высокой степени, как в Галичине. И, кроме того,

возвращение этих территорий в лоно единого общерусского государства не только приостановило дальнейшую полонизацию языка, но и вызвало новый, обратный процесс: постепенное вытеснение из него всевозможных полонизмов, сильно засоривших наш язык.

Этот очистительный процесс кое-кто называет «русификацией», а сам язык, избавляющийся от полонизмов – «суржиком». Между тем именно эта форма украинского языка как раз и характерна для подавляющего большинства жителей Украины. Пойдите, пан Кравчук, ради эксперимента в какое-нибудь село на Киевщине и скажите там такие характерные для галичан слова, как плян, фльота, свитлына, з́аля, фи́ранка, визвольни змагáння, бойивка, слúхавка и т. п. Там на Вас посмотрят с удивлением: на каком языке говорит заезжий пан?

Нет уж, уважаемый пан Кравчук: приезжая на Украину, извольте уважать «рідну мову» её аборигенов, такую, какая она есть в реальной, а не вымышленной писателями-«патриотами» жизни.

Вновь цитирую слова из Вашей статьи. Обращаясь ко мне, Вы спрашиваете:

«Я думаю, что Вы путаете слова «русский» и «российский». Это не одно и то же. Ведь мой отец из-за своей национальной несознательности ...называл себя русином, а не россиянином. Так что же – Вы также всех русинов зачислили бы в россиян?»

Да позвольте, пан Кравчук, откуда Вы взяли, что я путаю русских с россиянами? Ведь по меткому вы-

ражению украинского филолога Григория Пивторака даже рядовому школьнику известно, что «русский» – это этноним, указывающий на национальность, а «россиянин» – указывает на подданство! То есть человек может быть русским и россиянином одновременно, или быть русским, но не россиянином, или быть украинцем и в то же время россиянином... Как сказал бы Шерлок Холмс – это же элементарно, Ватсон!

Термин «российский» в качестве этнонима (вместо «русский») употребляют поляки, а с их подачи этот термин вошёл и в украинский язык. Во всяком случае, в «Малорусско-немецком словаре» Е.Желяховского и С.Недельского, изданного во Львове в 1886 г., этот термин вообще отсутствует. Там фигурируют только "руський" и "русский".

Тем не менее, тот же Григорий Пивторак старается убедить нас, что живущие в России русские не имеют права называть себя русскими, а только россиянами. Но это уже из области, лежащей за пределами науки.

Естественно, пан Кравчук, Ваш отец совершенно правильно поступал, не называя себя россиянином, ведь он никогда не был подданным России. Он называл себя «русином», что является латинизированной формой этнонима «русский». Ваш отец был русским человеком!

Не нравится Вам также и выражение «старший брат». Не пойму, почему Вы адресуете свое недовольство в мой адрес, ведь я никогда и нигде ни разу

не употребил это словосочетание. Да и не только я. Никогда и нигде его не употребляли русские по отношению к украинцам, по крайней мере, за всю свою жизнь я ни разу этого не слышал и не читал.

А вот украинские писатели, поэты и журналисты как сегодня, так и в былые годы с завидным упорством муссируют это выражение – раньше с подобострастием, а теперь с насмешкой, с издевкой.

Между тем выражение «старший брат» – чисто украинского происхождения. Вспомните Киевское братство. Во главе этого коллектива стоял избираемый из числа уважаемых и состоятельных граждан «опекун и фундатор», который официально так и назывался: Старший брат. Потом кому-то пришла в голову счастливая идея назвать Старшим братом русский народ – основную созидательную и цементирующую силу Российской государственности.

Сейчас конъюнктура изменилась, расписываться в любви к Старшему брату перестало быть выгодным и те же самые литераторы и журналисты принялись мстить ему за свое же прежнее подобострастие. Что делать, такова уж «ментальность» некоторых наших бывших записных «младших братьев»: теперь они служат другому хозяину, другому Старшему брату. Так что Ваш упрек, пан Кравчук, не по адресу: я здесь не при чём.

В заключение своей статьи Вы пишете, что «украинцы должны жить с россиянами в мире, согласии

и равноправии». Полностью согласен с Вами, это свя-
тые слова.

Но вот незадача: кого Вы имеете в виду под на-
званием "россияне"? Дело в том, что наши филологи
так умудрились запутаться в своих антирусских
и антироссийских идеях, что сейчас под термином
«россияне» они подразумевают два понятия: и нацио-
нальность, и подданство. Какое из двух этих понятий
Вы имеете в виду? Если оба – безоговорочно присое-
диняюсь к Вашим словам.

Валерий Шевчук, лауреат Государственной премии им Т. Шев-
ченко, премии фонда Антоновичей, премии им. Е. Маланюка
и других, писатель и историк:

«МАЛОРОССИЗМ – ВОСКРЕСШАЯ СТАРАЯ СОЦИО- ПАТОЛОГИЧЕСКАЯ БОЛЯЧКА»

(В. К. от 31.01.95)

С очень большой неохотой принимаюсь за разбор
статьи пана В. Шевчука: слишком уж низок «научный»
уровень этого сочинения. Читая всю эту причудливую
смесь националистических амбиций с расхожими, дав-
но уже набившими оскомину и никем из серьезных ис-
следователей не воспринимаемыми штампами, неволь-
но чувствуешь нечто вроде сострадания к автору,
вольню или невольню вынужденного писать всю эту че-
пуху: о невероятных «колониальных» страданиях яко-
бы угнетенного россиянами украинского народа, о его

«русификации», о присвоении Россией всей древней украинской истории и даже исконного украинского этнонима «русские»...

И, конечно, об исторической, древней противоположности и враждебности между русскими и украинцами. Этот последний «перл» даже вынесен на первую страницу газеты в виде анонса – «Читайте в номере: «Украинцы – иностранная для России нация».

Словом, приведен весь джентльменский набор «щырого» (истинного) национально-сознательного патриота-самостийника новейшей формации

Естественно, оспаривать все откровения Шевчука нет никакой необходимости – времени жалко. Поэтому очень кратко остановлюсь лишь на некоторых, особенно ярких высказываниях автора, в которых есть хоть какой-то смысл.

Вот, к примеру, пан Шевчук пишет о культурно-историческом явлении под названием «малороссизм», а люди, подверженные «малороссизму» (от Малорос-сия), – «малороссысты».

Итак, малороссысты – это та часть украинской интеллигенции, которая под влиянием общерусской культуры, по мнению Шевчука, «денационализировалась» и постепенно стала русскоязычной, что абсолютно будто бы недопустимо.

Развивая далее эту свою «теорию», автор загоняет себя в логическую ловушку. Судите сами. Определив

категорию «малороссистов», он тут же делит их на две части:

«При этом одни из них не утратили ни украинского патриотизма, ни любви к родной земле..., а другие становились неосознательными коллаборантами, воссоздавая своеобразное явление наследственного коллаборантства, которые воспитывались в чужой державе на чужой культуре и ощущали себя ее составной частью...»

Оставим на совести первооткрывателя такие нелепые и невежественные выражения, как «чужая держава» и «чужая культура». Вот главное: оказывается, можно ощущать себя составной частью великой русской культуры и в то же время быть и украинским патриотом, любить родную украинскую землю. Одно другого не исключает, а наоборот – обогащает!

Ярчайшим примером служит такая великая личность, как Н.В.Гоголь, основоположник русской реалистической литературы. С точки зрения Шевчука Гоголь был «несознательный коллаборант», так как писал свои бессмертные произведения на «чужом» русском языке, жил в «чужой» России и стал крупнейшим явлением «чужой» русской культуры!

Браво, пан Шевчук, продолжайте свои исследования в том же духе и глядишь – скоро получите еще одну какую-нибудь премию от заокеанских заказчиков разрушения русско-украинского единства.

А может все-таки дело заключается не в мифическом русскоязычном «малороссизме», а в степени образованности, интеллигентности, широте кругозора,

порядочности? Ведь чтобы быть, как Вы пишете, «коллаборантом», «украиноедом» и «янычаром», вовсе не обязательно и даже, напротив, противопоказано разговаривать на «чужом» русском языке и ощущать себя составной частью «чужой» русской культуры.

Вспомните-ка украиноязычных, трезубых и жовто-блакитных вояк из разгромленных Красной Армией дивизии СС «Галычина» и карательных батальонов «Нахтигаль» и «Роланд». По Вашим меркам они, конечно же, не «коллаборанты» и не «малороссысты», а истинные патриоты Украины.

Увы, тут у меня другая точка зрения: по моим меркам они не просто коллаборанты (без кавычек), а изменники и предатели украинского народа, фашистские прихвостни. Нет, пан Шевчук лучше уж оставаться таким «малороссыстом» как Гоголь, чем быть вот таким «патриотом».

Не буду подробно анализировать Ваши идеи насчет «незаконных» притязаний русского народа на древнерусское культурно-историческое наследие и славянорусский язык своих предков. Сколько можно ломиться в открытую дверь? Сколько ни кричи, глухой все равно не услышит. И все-таки, если у Вас еще не полностью атрофировалась способность к непредвзятому, объективному восприятию, попробуйте вникнуть в следующие аргументы.

1. Сравните русскую бревенчатую избупятистенку (с ее деревянной или металлической кровлей и дощатым полом) с украинской хатой-мазанкой (с

ее соломенной стрихой и земляным полом). После этого познакомьтесь со срубной архитектурой древнерусских жилищ и скажите: где – в России, или на Украине продолжилась древнерусская традиция постройки срубных жилищ?

2. Вы, как писатель, лучше других должны знать, что основными персонажами украинского фольклора позднейшего времени являются казаки, турки, ляхи, чумаки, корчмари, татары и т. п. А в русских былинах мы видим таких персонажей древней Руси, как Илья Муромец, Алеша Попович, Добрыня Никитич, Владимир Красно Солнышко, Вольга, Микула Селянинович... Что бы это могло значить, пан Шевчук? Может быть то, что историческая память русского народа демонстрирует этим свою преемственность по отношению к древнерусской культуре?

3. Известно ли Вам, пан Шевчук, что великорусский крестьянин вплоть до 1917 г. не имел собственного надела, так как вся земля принадлежала общине и ежегодно перераспределялась в зависимости от изменения количества едоков в семье? А вот на Украине селянин имел свой собственный участок земли и «его нельзя было согнать с земельного надела. К тому же крестьянин мог продать или завещать свой надел в наследство»³⁶

А как обстояло дело в Киевской Руси? Цитирую:

³⁶ Орест Субтельный «Украина: история». Киев, 1992, с. 81.

«По принципам южнорусского государственного строя земля принадлежала не отдельному лицу..., а считалась собственностью общины».³⁷

Как Вы думаете, пан Шевчук, где продолжилась древнерусская традиция общинного землевладения: на Украине, или все-таки в России?

4. Теперь посмотрим, кем была подхвачена эстафета государственности, утраченная Киевом в результате татаро-монгольского и литовского погрома.

Чтобы не дать Вам повода обвинить меня в использовании «неправильных» источников, буду цитировать исключительно тех историков, которые считаются ныне украинскими патриотами, а именно: М. А.Максимовича («Киев явился градом великим. Избранные украиноведческие сочинения». Киев, 1994) и М.Грушевского («Иллюстрированная история Украины». Киев, 1990). Итак – начинаю.

«И вот Русская земля дробится на уделы между сынами Владимира; Киев рассеивает в них свою новую жизнь, свою русскую силу: и в каждом из них растет она самостоятельно; и с княжеской кровью Владимира разливается и напечатлевается одна вера, а с ней и один язык, одинакий образ мысли и жизни» (Максимович, с. 78).

«Но вот уже и имени великого княжества лишился Киев: в северо-восточной Руси оно усвоено Суздалью, на юго-западе русском – Галичу... Киевлян с боярином Димитрием отчаянно защищались, когда нагрянули черные тучи Батыевы; с бою выдали они Киев, и великий город разрушен был до основания, и храбрые русичи погибли со своим митрополитом под саблями

³⁷ Д. И. Яворницкий «История запорожских казаков». Киев, 1990, т. II, с. 13.

поганных... Тяжкая мгла татарского ига налегла на Русскую землю. Но свет и во тьме светит!

Светильником Руси был новопоставленный в Никее (1250) митрополит Киевский Кирилл. Найдя Киев в развалинах, он перенес кафедру свою во Владимир, в великокняжескую столицу северо-восточной Руси. С его прибытием туда повеял новый дух жизни в отечестве нашем...

Быть сердцем великой России, средоточием его нового бытия и величия, провидение сулило Москве.

Величие Москвы создано на краеугольном камне православия. С самого начала своего великокняжества она стала митрополией Всероссийской церкви и унаследовала от Киева ту церковную власть, по которой принадлежали ей все разрозненные части древнего русского мира, по которой она с самого начала своего уже была средоточием духовного единства всей Руси».³⁸

В отличие от М. Максимовича, историк М. Грушевский считает, что древнерусская культурно-историческая традиция продолжилась только в Галицко-Волынском княжестве:

«Старая жизнь политическая, общественная и культурная после упадка Поднепровья имела у нас защиту и прибежище только на Украине западной, в державе Галицко-Волынской».³⁹

Кто же из двух наших знаменитых историков прав? Ответ прост: правы оба! Действительно, какое-то время государственность, утраченная Киевом, продолжала сохраняться в обоих изолированных друг от друга частях бывшей Руси. Но так продолжалось недолго:

³⁸ Там же, с. 78-80.

³⁹ Грушевский, с. 123.

«Таким образом, в середине XIV века закончилась самостоятельность украинских земель: Галичину захватили поляки, Волынь со временем стала литовской провинцией, а другие княжества, которые остались в Киевщине и Черниговщине, тоже перешли под власть литовских князей. Государственная украинская жизнь оборвалась».⁴⁰

Вот Вам и ответ на поставленный вопрос. В то время как государственность Галицко-Волынской державы полностью закончилась, северо-восточная Русь все более и более крепла.

«Медленно собирала она раздробленную и подавленную Русь: но зато прочное и стройное дала ей единство на незыблемом основании единства духовного...».⁴¹

Так где продолжилась утраченная Киевом государственность Русской земли, пан Шевчук: в разделенном между поляками и литовцами бывшем Галицко-Волынском княжестве, или в самостоятельно освободившейся от татар северо-восточной Руси?

Думаю, Вы и сами понимаете всю абсурдность продолжающихся у нас попыток отлучить Россию от древнерусского культурно-исторического наследия. Это Россию-то, благодаря которой и существует сегодня Украина... Совесть надо иметь, пан Шевчук!

Небезынтересны также Ваши «научно-исторические» обоснования коренного отличия украинцев от русских. Вы пишете, что «русские племена радимичей и вятичей от украинских отличны». Ну, хорошо, от-

⁴⁰ Там же, с. 131.

⁴¹ Максимович, с. 85.

личны. Ну и что с того? Бойки, гуцулы, лемки, русины, литвины тоже весьма отличны, но ведь никто же не требует на основании этого отличия развести их между собой, раздуть между ними вражду и отделить в изолированные государства.

А вот Вы, пан Шевчук, стараетесь вовсю, чтобы возвести между русскими и украинцами глухую стену, посеять между ними неприязнь. Не за эти ли старания Вас наградили столь многочисленными премиями?

Продолжим, однако, рассмотрение Ваших аргументов коренного отличия между русскими и украинцами. Снова привожу Ваши слова:

«Еще автор «Повести временных лет» отметил, что радимичи и вятичи, как племена, пришли на свою территорию из ляхов, значит их генетический корень не в Киевщине или украинских землях, а в Польше».

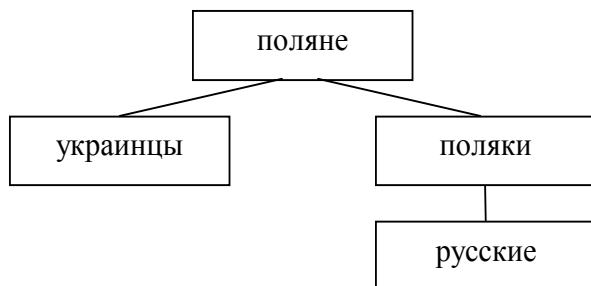
Что ж, если будем ссылаться на автора «Повести временных лет», то давайте вспомним и то, что по его свидетельству поляне, которых Вы, пан Шевчук, считаете древними украинцами, тоже пришли на свою землю («в Киевщину») с Дуная, значит их генетические корни там, «где есть ныне Угорская земля и Болгарская». Но вот в другом месте Нестор пишет: «А от тех Ляхов прозвашася Поляне...»

Если Вы человек объективный последовательный, то, прочитав эти строки, должны признать, что не только радимичи и вятичи (русские), но и поляне (украинцы) тоже имеют генетические корни в Польше. Иначе говоря, у русских и украинцев общие генетические корни!

В отличие от Вас, украинский филолог Григорий Пивторак не боится вступать в противоречие с древнерусским летописцем, особенно если это необходимо ему для обоснования своих идей. Так, вопреки свидетельству Нестора, пан Пивторак утверждает, что не поляне произошли от ляхов, а наоборот, ляхи (поляки) произошли от полян! Не верите? Тогда цитирую:

«Таким образом, современные общие украино-польские языковые черты можно объяснить не только довольно поздними украинскими заимствованиями из польского языка, а и исключительной ролью полян в формировании как украинцев, так и поляков еще в очень древний период». (см. "Не будем иностранцами на своей земле").⁴²

Если объединить Вашу версию о происхождении русского народа от поляков с версией Пивторака о происхождении украинцев и поляков от полян, то можно составить занимательную схему, которую, видимо, следует назвать так: «Схема Шевчука–Пивторака». Вот она:

⁴² Вечерний Киев, 13.12.94.

А теперь, уважаемый пан Шевчук, глядя на эту схему, скажите, только честно: какой из двух языков – русский или украинский должен иметь больше сходства с польским? Ну, ведь ясно же, что русский, разве не так?

Но что за диво: в украинском языке имеется бесчисленное количество слов, разительно схожих с польскими, а в русском языке таких слов нет совсем. Отчего так? Да оттого, пан Шевчук, что эта схема, составленная в точном соответствии с вашими общими с паном Пивтораком идеями, не стоит и ломаного гроша! Она отражает не объективную историческую реальность, а лишь ваши политические антироссийские и антирусские воззрения.

Однако не будем снова углубляться в историю происхождения украинского языка как русско-польского диалекта. Об этом было уже достаточно написано в предыдущих разделах этой книги. Поговорим лучше о Вашей двойственной позиции относительно прав национальных меньшинств. Вы пишете:

«Заранее скажу, что я не сторонник идеи «Украина для украинцев». Исторически так сложилось, что тут живет много народов и этнос ее сейчас полиэтнический. Следовательно, все мы должны быть полноправными гражданами Украины, а это значит, что русскому, еврею, поляку, греку, болгарину и т. д. следует создать все условия для нормальной жизни и духовного функционирования, то есть не только государственного, но и национального, без высших и низших, на равных возможностях».

Казалось бы – лучше и не скажешь! И все было бы прекрасно, если бы Вы поставили на этом точку. Но нет! Далее Вы пускаетесь в пространные рассуждения о полной свободе говорить на Украине на любых языках, общий смысл этих рассуждений таков:

«Кто желает присоединиться к своему этносу и называться украинцем, пусть это делает добровольно, а кто не хочет, пусть этого не делает, а присоединяется к тем этносам, которые ему по нраву: русскому, белорусскому, греческому, татарскому – по своему выбору. Хочет жить на Украине, пожалуйста, хочет разговаривать на каком-либо языке, пусть разговаривает, а не хочет, пусть едет туда, где чувствует себя на родной земле и среди родного народа».

Обратите внимание: *тот, кто не хочет разговаривать на каком-либо языке, пусть едет...* Оригинальная мысль!

Всю эту словесную шелуху можно конкретизировать так: кто хочет оставаться на Украине, но не хочет переходить на украинский язык – пусть убирается ко всем чертям! Правильно я Вас понял, пан Шевчук?

В Вашей статье есть еще один интересный пассаж:

«Однако А. И. Железный уже не Зализный, и не Железнов, а таки Железный, нечто среднее: и не украинец, и не русский – человек, который желает сидеть между двух стульев и при этом ощущать комфорт...».

Поражен Вашей интуицией и прозорливостью: Вы «раскусили» меня! И мне ничего другого не остается, как во всем сознаться: я действительно не совсем украинец и не совсем русский, так как мой отец был украинцем, а мать русской. Мало того! Сознаться, так

уж до конца: мои предки по отцовской линии (все с незапамятных времен коренные киевляне) когда-то в древности пришли на Украину из Польши. Отсюда и так озадачившая Вас фамилия Железный, по-польски *Żelazny*. Так что, хотите верьте, хотите нет, но я свою доставшуюся от предков фамилию никогда не менял, чтобы поудобнее устроиться «между двух стульев».

Ну и что же я теперь, по-вашему, должен делать, если я не хочу «украинизироваться»? Я родился в русскоязычной городской среде, учился не за границей, а в киевской средней школе № 70 на Лукьяновке. Мы все тогда воспитывались в гуманистическом, интернациональном духе, не обращая внимания на национальность друг друга. И никому из нас даже в голову не могла прийти нелепая, дикая мысль о том, что учителя умышленно, специально преподавали нам алгебру, геометрию, физику, основы дарвинизма, ботанику и т. д. на чужом, враждебном русском языке колонизаторов и угнетателей украинского народа для того, чтобы нас «денационализировать», сделать «малороссами», «несознательными коллаборантами», «янычарами», «земли своей ненавистниками», «замороженными, а, следовательно, слепыми и глухими к объективной реальности», «вырвать нас из естественного гумуса земли родной и подвесить между небом и землей» и т. п. и т. д. Все эти разоблачительно-обличительные слова принадлежат Вам!

Повторяю, ничего этого мы не знали и поэтому спокойно получили хорошее образование, пошли рабо-

тать, создали семьи, родили детей – словом, жили нормальной, полнокровной жизнью, и каждый из нас был счастлив по-своему. Но вот теперь благодаря Вам и Вашим единомышленникам мы вдруг узнали, что все было неправильно, что нас обманули и духовно обокрали, и мы на самом деле являемся не полноправными гражданами своей страны, а «янычарами» и «манкур-тами».

Вы уж меня извините, пан Шевчук, но как тут не вспомнить известный эпизод из популярной советской кинокомедии «Иван Васильевич меняет профессию». Там один из героев фильма, выслушав сумбурную обличительную речь управдома, сказал примерно так: «Когда Вы говорите, то все время кажется, будто Вы бредите...»

И действительно, только в горячечном бреде можно утверждать, что великая русская культура является для нас «чужой» и «враждебной».

То же самое можно сказать о Вашей версии происхождения русского языка, очень ярко описанной в статье «В Киеве все «русское». Откуда же тут украинцы?»⁴³. Цитирую:

«Я так понимаю, что был древний книжно-русский язык. Им пользовались киевские князья, деятели Украины-Руси времен союза с Литвой, наши ученые мужи периода становления и развития Гетьманщины. Во времена Петра I этот язык был окончательно присвоен, вывезен на север. Он и стал основой современного русского языка. Наше счастье, что параллельно

⁴³ Вечерний Киев от 4.03.1993

с книжным у нас был народный язык, который, думается, существовал издавна и стал со временем единым украинским языком. А то остались бы мы или глухонемыми, или уж точно, единомосковскими».

Замечательная версия, пан Шевчук! Очень хотелось бы считать ее новым вкладом в филологию, да вот некоторые детали мешают пока сделать это. Вот, скажем, как Вы представляете себе сам механизм присвоения и последующего вывоза на север «книжно-русского языка»? И почему «москальи» ограничились вывозом только этой разновидности языка, ведь был еще и народный, по-вашему «украинский» язык? Почему он все же был милостиво оставлен, ведь если уж присваивать и вывозить, так все!

И еще: на каком же языке, в таком случае, разговаривали в России до привоза туда из Украины этого самого «книжно-русского» языка?

И, наконец, как было организовано переобучение русских мужиков на новый иностранный для них книжно-русский язык?

Между прочим, Ваша пока еще не очень совершенная версия в чем-то перекликается с утверждением другого большого знатока истории русского языка Григория Пивторака с той, однако, разницей, что по его убеждению «на север» был вывезен не «книжно-русский» (правильно древнерусский), а церковнославянский язык!

Вы, панове, сначала договоритесь между собой, что именно было вывезено, а потом уж беритесь учить других.

Нетрудно догадаться о причине появления на свет таких вот «теорий»: украинскими националистически настроенными учеными все еще не выполнен заказ на «научное» обоснование необходимости нового разделения русской народности на русских и украинцев. Вот они и стараются угодить заокеанским заказчикам, не считаясь при этом ни с историческими реальностями, ни даже с элементарным здравым смыслом. Не сомневаюсь, что у многих их них где-то в глубине души все еще сохраняются остатки научной добросовестности, но достучаться туда нелегко.

Полагаю, я уделил достаточно внимания статье пана Шевчука, поэтому перехожу к последней, завершающей статье данной дискуссии.

Доктор филологических наук, профессор Национального университета им. Т. Г. Шевченко Александр Пономарив:

«ТОЛЬКО ЯЗЫК ОБЪЕДИНЯЕТ НАРОД»

(В.К.)

Данная статья примечательна, прежде всего, тем, что в ней каждая строка буквально дышит лютой ненавистью к русскому языку и к носителям этого языка – русскоязычным гражданам Украины. Русский язык в статье именуется не иначе как «язык соседней державы», «язык «старшего брата», «язык завоевателей», а те, кто разговаривает на этом враждебном языке, являются представителями «антиукраински настроенной части украинского общества», «шовинистически-янычарской публикой» и «носителями колбасно-потребительских устремлений». Мою скромную персону пан профессор считает «провокатором», «невежей и нахалом», «человеком с крайне низкой лингвистической эрудицией».

Тут же пан профессор демонстрирует свою более высокую эрудицию, доказывая, что «до XVIII столетия страна со столицей Москвой называлась Московией, а название Россия распространил на нее Петр I».

Мне кажется, не обязательно нужно обладать столь высокой эрудицией как у пана Пономарива, чтобы знать элементарное: название Россия употреблялось задолго до Петра I, а название Московия иногда применялось лишь некоторыми иностранцами. Но никогда русские люди не называли свою страну Московией, а себя москвитями. Испокон веков русские люди называли свою страну Русская земля, Русь, а в торжественных случаях на греческий лад – Россией.

Собственно говоря, в статье пана Пономарива отсутствуют сколько-нибудь серьезные научные аргументы,

так что и дискутировать не о чем. Интерес представляет лишь строгий прокурорский тон выговора, который пан профессор делает газете «Вечерний Киев» за публикацию моего материала.

Примечательно, что строгий критик никогда раньше не обвинял издания газет в дискредитации украинской науки, когда те печатали фантастические измышления о происхождении человечества от «украинского национального древа», а украинцев от жителей легендарной затонувшей Атлантиды, о древнем украинском языке санскрит, в основе которого лежит еще более древний, но тоже украинский язык «сансар», занесенный на Землю с Венеры, об украинском происхождении Иисуса Христа и т. д.

Вот тут бы принципиальному ученому и следовало бы возвысить свой авторитетный голос против современных фальсификаторов, превращающих саму идею «видроджэння» в какой-то весёлый розыгрыш, шутку.

Но нет, вся эта мура у пана Пономарива никакого протеста не вызывает, видимо потому, что она сочинялась настоящими «патриотами» с целью «национального возрождения». Для столь великой цели годятся любые средства!

А вот вполне реальная, хорошо аргументированная теория сравнительно позднего происхождения украинского языка как русско-польского диалекта вызвала у ученого пана бурное возмущение, которым он и поспешил поделиться с читателями «Вечернего Киева».

Что поделаешь, у некоторых людей понятие научной добросовестности похоронено под мощным напластованием сиюминутных конъюнктурных расчетов. В таком случае – Бог вам судья...

6. Заключительная глава

Все вышеизложенное позволяет теперь дать ответ на вопрос, который я поставил в заголовке одной из глав данной работы: «Все ли в порядке в нашей филологии?» И ответ будет такой: нет, далеко не все, так как наша украинская филология за почти столетний период своего существования так и не смогла дать ясную и непротиворечивую теорию возникновения украинского языка.

Объясняется это не отсутствием у нас высококвалифицированных филологов. Они, конечно, есть. Но над ними дамокловым мечом тяготеет и сковывает их независимую мысль некий «социальный заказ», а именно необходимость во что бы то ни стало подвести «научную» базу под довольно непопулярную в народе идею самостийничества, идею нового разрушения выстраданного нашими героическими предками и скрепленного клятвой общерусского единства.

Именно этот, щедро финансируемый из-за рубежа заказ и вынуждает некоторых ученых поступаться самым главным своим достоянием – научной добросовестностью. Те, кто успел вовремя «перестроиться», пойти в услужение новому заказчику, ныне занимают высокооплачиваемые должности, а те, для кого научная

добросовестность дороже тридцати заокеанских серебряников, подвергаются ожесточенным нападкам и публичным оскорблениям.

Пример тому – ведущаяся сейчас злобная травля видного ученого П.П. Толочко, выступившего против фальсификации отечественной истории в угоду навязываемой сейчас националистической доктрине.

Не имея никаких убедительных доказательств в пользу нового разрушения общерусского единства, украинская националистическая «наука» пошла по пути придумывания мифа об извечной разнице и враждебности между русским и украинским народами. Яростной атаке подверглась общепринятая и полностью соответствующая историческим реалиям теория происхождения трех братских славянских народов – русского, украинского и белорусского – из общей колыбели – древней Руси. Пытаясь доказать чуть ли не генетическое отличие южных русов от северных «москалей», некоторые наши сочинители небыхлиц дошли уже буквально до родоплеменного уровня: русские и украинцы, мол, произошли когда-то от разных славянских племен, следовательно в настоящее время они вновь должны разделиться по родоплеменному признаку и жить в различных государствах.

Чувствуя, однако, недостаточную убедительность и даже ущербность своих аргументов, эти люди взялись также доказывать, что украинский и русский языки произошли от совершенно различных корней, что в древней Руси народ разговаривал только на украинском языке, а русский язык появился на свет намного

позднее, уже после татаро-монгольского нашествия, и сформировался он на основе письменного церковнославянского языка.

Но как доказать эту фантастическую «теорию», если филологам не известен ни один письменный памятник времен Киевской Руси, написанный на украинском языке? Да очень просто! Нужно лишь объявить, что в древности будто бы считалось неприличным и разговаривать, и писать на одном и том же языке. Иными словами украиноязычие древней Руси объясняется полным отсутствием древних письменных памятников на украинском языке. Звучит убедительно, не так ли?

Но есть и другая точка зрения, достаточно обоснованная в данной работе. Она позволяет объяснить загадочное отсутствие украиноязычных письменных документов гораздо проще и убедительнее: во времена Киевской Руси никакого украинского языка еще не было и лишь только этим объясняется отсутствие украиноязычных письменных памятников.

«Украинизаторы» Киевской Руси оперируют еще одним аргументом, который они считают совершенно неотразимым: в древнерусских летописях и других документах встречаются некоторые слова и грамматические формы, характерные для украинского языка, так называемые «украинизмы». Попали они туда будто бы совершенно случайно в виде описок, сделанных по рассеянности писарями-украинцами, для которых родным языком был украинский. Как ни старались они писать «по-книжному», но все-таки иногда

невольно заменяли древнерусские слова на свои, украинские, или же нечаянно придавали этим словам «украинскую» грамматическую форму.

Выше я уже подробно доказал, что вся эта теория построена на элементарном обмане, или, может быть, на самообмане, что дела нисколько не меняет. В любом случае это обман. На самом деле все эти «украинизмы» встречаются не в оригинальных древнерусских текстах, а только в их позднейших копиях, сделанных не ранее XVI века, когда язык южных русов уже успел подвергнуться сильнейшему ополячиванию, по моей терминологии – «украинизации».

Известный украинский историк и первый ректор Киевского университета М. А. Максимович в своей работе «Киевская старина южнорусская», рассказывая о начале книгопечатания в Южной Руси в XVI столетии, отмечает:

«Одним из первых движений возрождавшейся книжной деятельности южнорусской было стремление сблизать Священное писание с языком народным. Прекрасным и старшим памятником этого стремления служит Пересопницкое Евангелие, в котором многие церковно-славянские слова и обороты заменены или пояснены словами языка южнорусского «для лучшего выразумления люду христианского посполитого».⁴⁴

Замечательное свидетельство ученого, заподозрить в котором «российского шовиниста» может лишь человек с расстроенной психикой. А между тем оно

⁴⁴ См. «Киев явился градом великим». Избранные украиноведческие произведения. Киев, 1994, с. 600.

вольно или невольно разоблачает националистический миф о том, что писари считали неприличным разговаривать и писать на одном и том же языке, и другой миф о случайном проникновении в древние тексты «украинизмов» в виде отдельных описок и ошибок. И, наконец, ясно показывает истинную природу всех этих «украинизмов», возникших в славянорусском языке под воздействием польской лексики и грамматики. Загляните, панове Лосив, Бурячок, Пивторак, Шевчук, Пономарив и другие паны в польский словарь: там вы увидите все слова из вышеприведенной цитаты – лёпший, выразумёне, посполитый...

И еще одно: вы все твердите, что понятие «русська мова» относится исключительно к украинскому языку. Тогда почитайте еще одно свидетельство М. А Максимовича из той же работы:

«Писец этого Евангелия не раз повторял, что оно переведено «из языка бльгарского на мову рускую». Для образца прилагаю следующее место: «В начале было Слово. А Слово было от Бога, и Бог был то Слово. То было напочатку у Бога; и все речи через Него ся стали. А без Него ништо не могло быти, еже и бысть. В том живот был. А живот был свет человеком. И свет во тьме светится, и тьма его не обьимет» (с. 301).

По вашим понятиям, панове ученые, этот отрывок, переведенный с болгарского на «русскую мову», написан на украинском языке. А по моим понятиям филолога-любителя – на чистейшем русском с отдельными вкраплениями слов из польской лексики: *напочатку, ся стали, обьимет...* Отсюда видно, что во второй поло-

вине XVI столетия опоячивание славянорусского языка еще не зашло слишком далеко – «руська мова» и русский языки отличались очень мало. Не случайно и в Киеве, и в Москве язык учили по одному и тому же учебнику – «Грамматике» Мелетия Смотрицкого.

Все это опровергает лживый миф об украиноязычии жителей Киевской Руси, о различных корнях украинского и русского языков, о более позднем возникновении русского языка якобы от письменного церковнославянского. На самом деле в древней Руси существовал единый славянорусский язык, который постепенно распространялся на новые земли по мере расширения границ государства, в том числе в северо-восточные княжества – ядро будущей Российской державы.

А затем историческую родину этого единого славянорусского языка постигла печальная участь: ослабленная татаро-монгольским погромом Южная Русь стала легкой добычей вначале Литвы, а затем Польши. Скрещивание славянорусского языка с польским привело к возникновению русско-польского диалекта. Однако это была хотя и основная, но не единственная правда о формировании украинского языка. Есть еще один существенный фактор, повлиявший на лексический состав нашего украинского языка.

Вспомним то, о чем наши историки по каким-то непонятным причинам ничего в своих работах не пишут: бежавшие от польского господства люди селились за днепровскими порогами не на пустом месте, а среди многочисленных еще остатков бывшей поло-

вещкой орды. Вследствие совместного проживания и совместных военных мероприятий лексический фонд формирующегося украинского языка значительно пополнился местными тюрко-половецкими словами, которые мы воспринимаем ныне как истинно украинские: *козák, бугáй, казán, куринь, баштáн, кылім, осэледець, тютюн* и др.

Такова правда и такова генеральная линия развития украинского языка, тщательно скрываемая нашими филологами от общественности в угоду националистической доктрине самостийничества. Теперь, когда Украина стала самостоятельным государством и более нет смысла тратить время на сочинение небывлиц, пора браться за разработку реальной истории украинского языка.

7. Post Scriptum

Когда данная работа была уже закончена, в газете «Новости» от 12 февраля 1996 г. появились две публикации на интересующую нас тему. Одна из них принадлежит Александру Каревину и называется так: «Лавры Кагановича не дают покоя кое-кому в независимой Украине».

Автор знакомит нас с почти забытой страничкой истории – с опытом принудительной украинизации русскоязычного населения Украины, проводимой во второй половине 20-х годов под руководством первого секретаря ЦК КП(б)У Л.М. Кагановича.

В полном соответствии с господствовавшим тогда направлением «национального строительства», украинский язык был объявлен единственным средством общения, а применение русского языка во всех сферах административно-хозяйственной, культурной деятельности и в системе образования было запрещено. Ослушников строго преследовали вплоть до увольнения с работы. Специально созданная группа филологов заседала за чистку украинского языка от «русизмов».

В отличие от наших сегодняшних светил языковедческих наук те филологи нисколько не стеснялись исторических реалий и, продолжая начавшееся когда-то движение местного языка на сближение с польским, смело заменяли мнимые «русизмы» на вполне реальные полонизмы!

Уж будьте уверены: эта высокоученая компания в полной мере воспользовалась неожиданно подвернувшейся уникальной возможностью и за несколько лет успела ввести и узаконить столько новых полонизмов, что понятие «русско-польский диалект» наполнилось еще более весомым содержанием. Были также учреждены специальные комиссии, надзиравшие за повсеместным изгнанием русского языка.

Вся эта нелепая затея окончилась так же неожиданно, как и началась: главный "украинизатор" Лазарь Моисеевич Каганович был отозван в Москву и очень скоро жизнь вновь вернулась в свое исторически сложившееся естественное русло.

Прошли годы. И вот теперь идейные наследники Кагановича, в полном соответствии с новым направлением «национального строительства» (теперь это называется «розбудова дэржавы» и «національнэ видроджэння») вновь развернули широкомасштабную кампанию по изгнанию русского языка со своей исторической родины, где он сформировался и откуда начал распространяться на новые земли, прежде всего в северо-восточные княжества.

Была сделана также попытка возродить деятельность языковых надсмотрщиков. В моем архиве есть любопытная заметка, напечатанная в «Либеральной газете» 4 ноября 1993 г. В ней пишется такое:

«Киевский городской Совет и госадминистрация утвердили образец удостоверения общественного контролера за внедрением Закона о языках. Руководители любого столичного предприятия или учреждения обязаны способствовать деятельности «языковых контролеров».

Увы, этот замечательный почин киевских властей не был широко подхвачен другими городами, да и в Киеве эти новоявленные «капо дель реджиме» так и не появились. Видимо, наши современники, лишившись многих иллюзий, не желают, чтобы их вновь пытались загнать в какие-то новые рамки, ограничивающие их интеллектуальный простор.

А ведь как хорошо было задумано! Заговорили, скажем, два приятеля за кружкой пива по-русски, а тут как тут «языковой контролер»... И – пожалуйста-ка в кутузку!

А если серьезно, то в истории человечества вряд ли найдется другой такой пример, чтобы из страны изгонялся местный древний язык, по меньшей мере, двух третей ее коренного населения. И ради чего? Говорят – ради «национального возрождения». Но что означает «национальное возрождение»? Это – мир антипод, в котором вчерашние предатели и изменники родины объявляются героями, достойными подражания, а фашистские прихвостни – пламенными борцами за свободу, где знак «трезуб» на кокардах и на рукавах полицаев-надсмотрщиков концлагерей объявлен государственным гербом «самостийной» Украины... Избави бог от «украинизации» под таким соусом!

Не имея никаких веских аргументов в пользу идеи изгнания из Украины русского языка, наши современные «украинизаторы» вынуждены идти по пути откровенной лжи и фальсификаций, по пути разжигания ненависти к России и русскому народу. словно жучки-древоточцы принялись они подтачивать наше вековое единство, выдумывать небылицы, сочинять весьма далекую от реальности историю «Украины–Руси», «украинизировать» древние славянские племена (с целью декларирования неславянского происхождения русского народа) и т. п. и т. д.

К области сочинения небылиц подобного рода относится и публикация в газете «Новости» второй статьи на интересующую нас тему – «Энергетика родного языка», написанной председателем Всеукраинского общества «Просвіта» («Просвещение») народным де-

путатом Украины Павлом Мовчаном. В ней автор делится результатами своих изысканий в области филологии:

«Занимаясь анализом многих аспектов языковой проблемы, я, естественно, пытался добраться до истоков, и, мне кажется, я имею право сделать следующее категорическое заявление: украинский язык отнюдь не сформировался позже языка, доминирующего сегодня на востоке и юге Украины, как об этом утверждают некоторые языковеды. Он намного глубиннее, старше... Следовательно, фундаментальное положение о том, что наш украинский язык – язык молодой, является лживым».

Ну как тут не вспомнить украиноязычных Ноя и Овидия, древний «украинский» язык санскрит... Как видно, усиленные занятия пана «просветителя» не очень-то пошли ему впрок, если он так и не смог подняться выше националистических измышлений о более древнем по сравнению с русским происхождении украинского языка.

В своей статье пан Мовчан делится с читателями своим «открытием»: человек только тогда может в полной мере реализовать свои потенциальные возможности, когда он творит на своем родном языке.

Казалось бы тут нет ничего нового, это давно всем известно и без глубоких исследований пана Мовчана. Но вся штука заключается в том, что наш «просветитель» в понятие «рідна мова» вкладывает некий особый, отличный от общепринятого смысл. Казалось бы ясно, что для каждого из нас родным языком является тот, который мы получили от своих родителей, на котором воспитывались, на котором получили образова-

ние и благодаря которому приобщились к достижениям мировой культуры.

Но у пана Мовчана на этот счет мнение иное: родным языком может быть только этнический язык: для немца – немецкий, для англичанина – английский, для итальянца – итальянский... А для украинца родным языком может быть только и исключительно украинский!

«Поэтому переход на родной язык – это открытие в себе глубинных резервов, генетических, если хотите. И тот, кто владеет родным языком, наделен дополнительными возможностями. Поэтому в чужом языке трудно творить. Можно обратиться к Гоголю. Если бы Гоголь был в украинском языке при соответствующей атмосфере, то мы, возможно, имели бы гения в квадрате».

В качестве примера пан Мовчан называет Америку:

«Почему американцы являются в массе продуцентами? Продуценты – это нечто вторичное... Потому, что это слепок со всех людей, собравшихся со всего света, которые не могут достигнуть высот там, где казалось бы есть все возможности, полное техническое обеспечение. Во всяком случае их достижения значительно скромнее, нежели некоторых моноэтнических государств».

Что-то знакомое видится в этой новейшей «теории»... Узнаете? Превосходство чистокровных, чистопородных, полноценных особей над «вторичными» людьми смешанных кровей, которые не в состоянии создать что-нибудь путное. Мы уже слышали нечто подобное от германских нацистов. Буквально – один к одному!

Интересно было бы узнать, как пан Мовчан планирует достичь на Украине этой самой «моноэтничности»? Нацисты в Германии применяли два метода: высылка неправильных, нечистопородных людей из страны и в других случаях их уничтожение в концлагерях. А для «неполноценных» славянских народов кроме этих двух методов готовили еще один – стерилизацию. Что Вы выбрали, пан Мовчан? Очень хотелось бы знать это заранее.

И еще: хорошо ли Вы знаете свою родословную? А вдруг и у Вас где-то в седьмом колене были предки ляхи или (не к ночи будет сказано!) даже «москали»? Что тогда?

Не нравится мне Ваша расистская теория превосходства моноэтнического государства над полиэтническим, ой как не нравится... Опасная это идея, пан Мовчан, и очень уж чреватая...

Но, кроме своей вредоносности, Ваша «теория» еще и элементарно безграмотна! Не буду останавливаться на абсолютно нелепом утверждении о вторичности, второстепенности американцев, их будто бы полной неспособности к творчеству, к научно-техническим достижениям. Пусть это будет на Вашей совести. Скажу лишь о главном: напрасно Вы усматриваете некую глубинную, генетическую связь между этнической принадлежностью индивидуума с его как бы природой предназначенным родным языком.

Вот Вы пишете, что Гоголь был бы «гением в квадрате», если бы творил на украинском языке,

а не на чужом для него русском. А вот по утверждению В. Г. Белинского, который для меня несравнимо больший авторитет, чем, извините, Вы, – «...не прихоть и не случайность заставила его писать по-русски, не помалороссийски, но глубоко-разумная внутренняя причина, – чему лучшим доказательством может служить то, что на малороссийский язык нельзя перевести даже «Тараса Бульбу», не то что «Невского Проспекта».

Позвольте Вас спросить, пан Мовчан, хорошо ли Вы знаете родословную великого русского писателя Н. В. Гоголя? Почему Вы так уверены, что этническим языком его непременно должен быть украинский? Не мешало бы Вам, прежде чем «просвещать» других, ознакомиться с предками писателя: и по отцовской, и по материнской линии многие были поляками. Следовательно, на генетическом уровне, родным языком Гоголя мог бы быть и польский. И если бы он писал по-польски, то был бы гением не в квадрате, как Вы написали, а, может, даже и в кубе!

Вновь привожу Ваши слова:

«Ни один эмигрант, приехавший в эту страну (Америку – А. Ж.) и изучивший английский язык, не достигал высших творческих степеней. Здесь Вы не дадите мне опровержений, ибо наиболее естественно он чувствует себя в своем родном языке. Это связано с генетикой. Вот Бродский. Он иудей. Достиг вершин в русской литературе. Но, приехав в Штаты, овладев английским языком, не пишет на нем».

Где же логика? Иудей Бродский достиг вершин и Нобелевской премии без всякого участия своего этнического языка. Почему? Да потому, пан Мовчан, что

вопреки Вашей «генетической теории» родным языком у Бродского был не иврит и не идиш, а русский язык, не имеющий ничего общего с его иудейскими генами.

Ну, хорошо, хорошо. Допустим на мгновение, что Ваша «теория» справедлива и я, решив «открыть в себе глубинные резервы» и «дополнительные возможности», поставил перед собой задачу перейти на родной язык. Какой язык, по Вашему мнению, мне родной, если отец у меня был украинцем (его предки были польского происхождения), а мать – русская? В рамках Вашей «теории» о глубинной связи «ридной мовы» с генами вопрос этот выглядит неразрешимым! Может быть надо подсчитать, каких генов – польских, украинских или русских – у меня больше? Вряд ли это сегодня возможно. А раз невозможно, то следует, видимо, с повсеместным применением Ваших идей повременить.

Придумайте, пан Мовчан, что-нибудь поубедительнее. Успехов Вам!

* * *

И совсем уж в заключение поговорим еще немного о проблеме двуязычия. Наше сегодняшнее русско-украинское двуязычие является продуктом длительного польского господства на землях будущей Украины и возникло оно задолго до воссоединения с Россией. Полагаю, тезис этот обоснован в данной работе достаточно убедительно.

Естественно, я не рассчитываю на то, что люди, оседлавшие тему «русификации», вдруг прозреют и согласятся с очевидным. Куда там! Именно сейчас под предлогом «дерусификации» они явочным порядком стремятся ввести в наш язык как можно больше новых полонизмов.

По логике новоявленных полонизаторов идеальным, полностью «дерусифицированным» украинским языком вообще следует считать польский!

Итак, двуязычие в нашей стране реально существует и отрицать его равносильно попыткам отрицать закон всемирного тяготения. И, тем не менее, находятся у нас люди, которые это двуязычие не видят буквально в упор!

Вот, скажем, профессор А. Пономарив, высмеивая основную идею моего «Открытого письма канадскому украинцу Петру Кравчуку» об историческом равноправии на землях Украины русского и украинского языков, пишет вот такое:

«В конечном итоге автор приходит к «оригинальной» мысли о двуязычии украинского народа, которую во времена формирования «новой исторической общности – советского народа» пропагандировал покойный академик И. Билодид и которую известный журналист и педагог И. Шестопал отрицал таким образом: «То лишь у змеи бывает два жала-языка, а у человека одна родная мать и один родной язык».

Не будем обращать внимания на то, что на самом деле у змеи имеется лишь один язык и одно жало и что это два разных органа (журналист, видимо, этого не знал). Из приведенной цитаты ясно видно, что я

не придумал, а лишь констатировал наличие у нас русско-украинского двуязычия. И мне даже лестно, что пан Пономарив усматривает сходство между моими выводами и утверждениями видного, хотя и покойного ученого.

А вот высказывание еще одного идейного отрицателя реальности – преподавателя И. Лосива:

«Я не считаю украинский народ двуязычным, у него нет двух языков, как у мордвы... Он имеет только один язык – украинский – и только с ним может отождествлять себя и свою державу».

Откуда такая безапелляционная уверенность в том, что языком украинского народа должен быть непременно один украинский язык? Эта уверенность происходит от элементарного незнания истории человечества вообще и истории Украины в частности.

Если говорить вообще, то издревле во всех государствах всегда параллельно сосуществовали две культуры: городская и сельская. Не правы те, кто считает, будто понятие «народ» относиться исключительно к сельским жителям. На самом деле и селяне, и горожане составляют две неотделимые части одного народа, причем каждая из этих частей, дополняя одна другую, выполняет только ей свойственные функции.

Сельская часть народа в силу своей привязанности к земле и традиционной консервативности является хранителем древних традиций, обычаев, обрядов, примет, фольклора, в то время как городская часть является движущей силой социального, культурного

и научно-технического прогресса. Древняя Русь не составляла исключения из общего правила:

«Горожане были передовой частью народных масс; их руками, умом и художественным вкусом создавалась вся бытовая часть феодальной культуры: крепости и дворцы, белокаменная резьба храмов и многокрасочная финифть на коронах и бармах, корабли с носами «по-звериному» и серебряные браслеты с изображениями русальных игрищ. Мастера гордились своими изделиями и подписывали их своими именами.

Кругозор горожан был несравненно шире, чем сельских пахарей, привязанных к своему узенькому миру в несколько деревень. Горожане общались с иноземными купцами, ездили в другие земли, были грамотны, умели считать. Именно они, горожане – мастера и купцы, воины и мореплаватели, – видоизменили древнее понятие крошечного сельского мира (в один день пути!), раздвинув его рамки до понятия «весь мир».⁴⁵

То же самое было и на Украине: не считая некоторых региональных отклонений, в целом у нас еще до воссоединения с Россией сложились две родственные культуры – украиноязычная сельская и русскоязычная городская. В украинской классической литературе укоренилась традиция всячески противопоставлять эти культуры: украиноязычная сельская (мужичья) культура – правильная, а русскоязычная городская (панская) – неправильная, чужая, вредная, подлежащая упразднению. В свете вышеприведенного, безусловно, справедливого мнения академика Б. А. Рыбакова, предпочтение сельской культуры выглядит, по меньшей мере, наивным.

⁴⁵ Б. А. Рыбаков "Мир истории". Москва, 1987, с. 317.

В конце двадцатых – начале тридцатых годов вследствие широкомасштабной индустриализации страны начался неуклонный процесс сближения городской и сельской культур. На фабрики и заводы в массовом порядке принимались селяне, в село из города направлялись технические специалисты, медицинские работники, учителя.

В результате в городах все больше и больше звучала украинская мова, в селах же многие заговорили по-русски. Сельская молодежь впервые получила возможность свободно поступать на рабфаки и в высшие учебные заведения, что окончательно подрывало позиции писателей-романтиков, привыкших противопоставлять высокую нравственность селянина ущербному и «денационализированному» сознанию горожанина.

Вчерашние селяне быстро становились заправскими горожанами, овладевали «панским» русским языком, становились инженерами, врачами, учеными и т. д. Наше двуязычие приобрело новую, более совершенную форму: теперь на Украине почти невозможно встретить человека, который не владел бы одновременно и украинским, и русским языками.

Но будем откровенны. Наше русско-украинское двуязычие для национал-сепаратистов – как кость в горле. Вы только посмотрите, с каким маниакальным упорством и с какой злобой требуют они изгнания русскоязычной городской культуры на том основании, что в ее основе лежит русский язык, которым пользуются также и в «сусідній державі» – в России.

Поэтому – долой русский язык из радио- и телепередач, из государственных, школьных и дошкольных учреждений и даже из сферы религиозных отправлений...

Последнее особенно возмутительно. Существует тысячелетняя традиция проводить богослужения на близком и понятном каждому православному христианину церковнославянском языке. От этого удивительного языка веет древней святостью, он как бы незримой нитью соединяет нас с первыми древнерусскими христианами, в трудной борьбе создавшими великое государство.

Но вот теперь кое-кто, исходя из сиюминутных политических своекорыстных расчетов пытается заменить церковнославянский язык на современный бытовой суржик, разрушая освященное временем единство формы и содержания богослужения. Рубят корни, питающие нашу духовность и наше единство. Воистину, не ведают, что творят! Или ведают?

Одной из причин столь крутого радикализма (кроме стремления любой ценой укрепиться у власти) является то, что многие из самых ярых «ликвидаторов» – горожане, так сказать, «в первом поколении». Попав в городскую интернациональную среду, они прожили в ней еще недостаточно долго для того, чтобы преодолеть свой природный сельский, хуторской менталитет и по достоинству оценить все преимущества городского культурного плюрализма.

Видимо поэтому, не найдя сколько-нибудь внятных аргументов в пользу изгнания из Украины русского языка, они пошли по пути его очернения и одновременного непомерно гротескного воспевания и возвеличивания украинской мовы.

В оккупированных ими средствах массовой информации замелькали выражения вроде «мова сусідньої держави», «чужа, ворожа мова», «мова багаторічних гнобителів українського народу» и даже «страмнюча балалайка» и «собача мова». И это все о языке Пушкина, Гоголя, Тургенева, Достоевского, Чехова, Толстого...

Об украинской мове эти же господа говорят и пишут иначе: она, по их утверждениям, «малинова», «калинова», «шовкова», «світанкова», «солов'їна», «мова-пісня» и т. п. А по благозвучию она, дескать, уступает лишь итальянскому языку.

Видимо, эти господа не в состоянии понять, что русскоязычные граждане (а таких на Украине по меньшей мере две трети населения) тоже любят и ценят свой язык, и вряд ли удастся заманить их мнимой малиновостью и шелковистостью украинской мовы и склонить к отречению от своего родного языка.

Неужели не понятно, что люди ценят язык не за его благозвучие, а за гибкость, за возможность передавать с его помощью тончайшие оттенки мысли и за богатство лексического фонда? На свете есть языки куда более благозвучные, чем даже итальянский. Например, язык коренных жителей Гавайских островов

невероятно певуч, так как состоит в основном из сочетаний гласных звуков. Но кто на этом основании станет называть его самым красивым и лучшим в мире?

Будем реалистами: украинский язык такой же, как и все другие языки, он ничем не лучше и не хуже других языков. В Украине есть сколько угодно людей, которым он совсем не кажется калиновым, малиновым, шелковым, соловьиным и т. п. и что у него есть некие особые преимущества перед русским языком. Убежден, что даже сама идея сравнивать эти два наших языка со специальной целью утверждения превосходства одного над другим не только невежественна, но еще и глубоко безнравственна.

И еще одного вышеназванные господа понять не в состоянии – усиленное и граничащее с духовным насилием навязывание украинской мовы приводит к прямо противоположному результату: у людей невольно растет раздражение против посягательств самозванных культуртрегеров на их естественное, природное право на родной язык.

И это раздражение уже начинает перерастать в неприязнь к украинской мове вообще, которую кое-кто уже назвал «моветон». Неприязнь усиливается еще и тем, что в качестве «правильного» украинского языка преподносится неизвестный на Украине западный, сильнее всего ополяченный ее вариант, на котором изъясняется украинская диаспора. К тому же именно сейчас в наших средствах массовой информации стало модным вводить все новые и новые полонизмы.

С какой стати? Нас что, хотят превратить в поляков? Хотят довести до конца процесс ополячивания, прерванный воссоединением с Россией?

И вот уже этнический украинец К. Луценко из Севастополя пишет в свою газету «Товарищ» № 19 за май 1995 г:

«Воистину, за что боролись, на то и напоролись. Лет 10–15 тому назад я бы ни за что не поверил, что со мной станет сегодня. У меня, который родился и вырос на Украине, у меня, влюбленного в украинскую мову, юмор и песни, последние годы, как и у многих моих соотечественников возникло к украинской мове нечто вроде аллергии. Невольно припоминаются горькие строки великого Кобзаря: «Доборолась Украина до самого края, хуже ляхов свои дети ее распинают». Иногда думается: а может быть это давно уже и не ее дети – эти лукавые ревнителі так называемой независимости, которой они будто бы насквозь проросли, живя под седлом Румынии, Австро-Венгрии и Польши... Хотелось бы напомнить кое-кому из околотитературной камарильи о неизбежной ответственности перед историей, ибо под прикрытием ваших истерик о чистоте и обязательности украинской мовы идет развал не просто Украины, а всего славянства».

А харьковчанка Ярина Чайка свой протест против назойливого навязывания украинской мовы и против попыток запрета нашего традиционного русско-украинского двуязычия выразила в стихотворении, опубликованном в «Новой газете» № 11 за март 1996 г. Привожу из этого стихотворения лишь две строфы:

Як би не вдавалися до ганебних хитрощів,
Мову цю російську вже із нас не витравиш!
Ці духовні скарби, милії панове,
Не віддам нізащо ні за які мови.

Щоб вам не казали політичні карти,
Вся ваша політика цих скарбів не варта...
А один на одного щоб не ображатися,
Вільно двома мовами будем спілкуватися.

Может быть, это стихотворение с чисто литературной точки зрения выглядит не совсем безупречно, зато оно в точности передает мысли и чувства абсолютного большинства граждан Украины, считающих русскоязычную и украиноязычную культуры в равной мере своими и не собирающихся жертвовать ни одной из них ради удовлетворения националистических амбиций некоторых «горожан в первом поколении» – этих вольных или невольных исполнителей корыстных замыслов заокеанского заказчика.

В декабре 1991 года я добровольно и вполне осознанно проголосовал за независимость Украины. Хочу, однако, напомнить, что в то время понятие «независимость» трактовалось лишь как хозяйственное и культурное самоуправление. Ни о каком выходе из Союза и уж тем более о разрыве исторического единства с русским народом не было и речи. Те, кто замыслил воспользоваться результатами референдума для того, чтобы вновь разорвать с таким трудом восстановленное единство русской народности, благоразумно помалкивали и лишь исподволь готовились к постепенной легализации своих замыслов.

Помнится, как мы радовались итогу референдума, как в моей семье было решено почаще и побольше разговаривать на украинском языке для совершенствова-

ния произношения. Но увы, первоначальная эйфория очень скоро начала уменьшаться. Дело в том, что откуда-то из темных щелей, из глухих подворотен выполз на свет божий давно списанный и абсолютно чуждый подавляющему большинству украинцев национализм, возникший когда-то на землях, пребывавших под длительным австро-венгерским и польским господством.

В газетах и журналах замелькали материалы о вредности русского языка и культуры, о «колониальных» страданиях Украины под гнетом «импэрии», о культурном и интеллектуальном ничтожестве «москалей», которые если и научились читать и писать, то исключительно благодаря просветителям-украинцам, о превосходстве «коренной нации» (т. е. украинцев) над всеми прочими и т. п.

На книжных прилавках появились «научные» антироссийские сочинения закордонных зоологических русофобов. Началась глобальная фальсификация отечественной истории в националистическом духе. Страну наводнили закордонные «советники», лукаво нашептавшие нашему правительству колоссальные выгоды от полного разрыва всех связей с Россией.

А для отвлечения нашего внимания от этого своего главного деяния, они инспирировали чуть ли не вселенский шум о мнимой «русификации», о коварных замыслах России против Украины, о враждебной деятельности русскоязычных граждан и т. д. И вот уже некий пан Г. Мусиенко в «Вечернем Киеве» от 4 января 1995 г. пишет:

«Украина становится сегодня легкой добычей российского неоимпериализма, транснационального экономического колониализма. Его авангард – «русскоязычное население» – загнало украинцев в резервации и чувствует себя на Украине полным хозяином».

Получается, что я и моя русскоязычная семья являемся «авангардом российского неоимпериализма». Но стоит нам перестать разговаривать на русском языке – как мы тотчас же станем «патриотами». По этой логике выходит, что «неоимпериализм» и «патриотизм» – понятия чисто лингвистические.

Видимо, кое у кого не хватает интеллекта, чтобы понять элементарное: не обязательно отказываться от своего родного языка, чтобы быть патриотом своей страны. И, кроме того, чтобы быть патриотом своей страны, совсем не обязательно нужно ненавидеть Россию и русский народ.

Припоминаю, как наш первый президент Леонид Макарович Кравчук говорил: «Тот, кто выступает против России, всегда проигрывает». Пусть наши записные «патриоты», разжигающие вражду и ненависть к России и русскому народу, хорошенько запомнят эти слова.

Есть еще один аспект, вызывающий у всех нас, рядовых граждан, полное недоумение: в телепрограммах и по радио участились выступления неких «ветеранов» из числа тех, кто когда-то стрелял в спину нашим солдатам-освободителям Европы от фашизма. Они называют себя ветеранами «вызвольных змагань», учат нас уму-разуму и доказывают, что толь-

ко благодаря им Украина стала сегодня самостоятельной державой. А в Верховном Совете нашлись депутаты, не постеснявшиеся потребовать установления этим персонажам статуса «ветеран Великой Отечественной Войны». Ни кощунство ли?

Весь этот националистический антураж делает идею отказа от русского языка и полного перехода на украинский малопривлекательной, ибо поступить так – значит солидаризироваться с теми, кто белое называет черным, кто вместо добра подсовывает зло, кто разжигает ненависть к нашим братьям-россиянам, кто фальсифицирует отечественную историю, кто из вчерашних предателей делает героев, кто даже православных христиан пытается разделить на две враждебные ветви, и т. д. – всего и не перечислишь.

Вернемся, однако, к вопросу двуязычия. Владеть одновременно русским и украинским – хорошо это, или плохо? Для человека со здоровой психикой вопрос этот является риторическим. Но вот некоторые деятели нашей культуры утверждают, что это не просто плохо, а еще и губительно для украинского государства.

Логика здесь проста: владея русским языком, человек невольно приобщается к великой русской культуре и его поэтому трудно, или даже невозможно заставить ненавидеть Россию и русский народ. А ведь именно на разжигании этой ненависти и базируется вся националистическая пропаганда.

Но есть и другая точка зрения: двуязычие делает человека в интеллектуальном отношении вдвое богаче, его кругозор несоизмеримо шире. Два языка – это как

два крыла у птицы – перед ней открыты необозримые пространства. Перебейте одно крыло, и эти пространства мгновенно сузятся до катастрофически малых пределов!

«Родной язык – это целый неповторимый мир. Но как должны раздвинуться горизонты этого мира, когда ты обрел второй, третий язык! Ведь каждый язык – это еще и новый взгляд, новое виденье... Иные говорят, что духовная обособленность есть следствие роста национального самосознания. Но с каких это пор национальное самосознание формируется на искусственном укорачивании мысли, застое духа, на сужении взгляда на себя и окружающий мир?»

Эти мудрые слова принадлежат подлинному патриоту своего народа узбекскому писателю Тимуру Пулатову.⁴⁶ Нашим бы националистическим «патриотам» хоть бы малую толику этой мудрости. Да где уж там! Именно сейчас под предлогом возрождения «национального самосознания» они как раз и заняты искусственным укорачиванием нашей мысли, нашим духовным обособлением, сужением взгляда на себя и на окружающий мир... И вот результат: наш древний русский язык вопреки исторической правде объявлен иностранным, чуждым и враждебным!

Дошло уже до того, что некая И. Степура со страниц «Вечернего Киева» от 24.03.95 г. гневно клеймит радиожурналиста В. Иващенко за то, что тот в своей передаче к Международному женскому дню осмелился прочитать стихотворение на русском языке:

⁴⁶ См. сборник статей «Говоря откровенно». Москва, 1989, с. 137, 141.

«Как посмели вы украинских женщин так тяжело обидеть?... Если вы планировали это как пощечину украинской женщине – это вам удалось».

В настоящее время раздувание ненависти к русскоязычным гражданам, похоже, стало главным смыслом деятельности газеты «Литературная Украина». Доказательством может служить хотя бы публикация в номере от 28 января 1999 года откровений зоологического русофоба Йосыпа Рэшко «Чому бідні – бо рускоязычні». Вот несколько выдержек из этого опуса:

«Создан специальный тип людей, который можно охарактеризовать таким образом: это низкий интеллектуальный, духовно убогий и культурный уровень. По большому счету, этот тип людей напоминает простейшие биологические создания. Этот новый тип хорошо всем знаком, и название его – русскоязычный этнос. К русскоязычному этносу относятся представители разных национальностей, главным внешним признаком которых есть повседневное общение на русском языке».

«К русскоязычному этносу украинского происхождения следует относиться, как к людям умственно отсталым и постоянно им давать это понять!»

«Отношение к ним должно быть соответствующим: пренебрежение и презрение».

И так далее.

Вот она, новая, единственно возможная, национал-шовинистическая экономическая политика, способная поднять экономику Украины из руин – сокращенно ННШЭП (не путать с НЭП).

В свете этих шовинистических призывов, широко растиражированные СМИ антиссионистские высказывания генерала Альберта Макашова выглядят просто детским лепетом. Вот как на самом деле должно вы-

глядеть эталонное, образцово-показательное «разжигание межнациональной розни»!

«Период уговоров и опасений закончился»!, многозначительно пишет Йосып Рэшко, явно намекая на то, что пора уже переходить к силовым методам внедрения русско-польского диалекта на всей территории государства. Как именно должны выглядеть эти силовые методы, можно понять из растиражированных радиозаклинаний «академика Академии наук Высшей школы Украины, главы Всеукраинского педагогического товарищества им. Г.Василенко» и т.д. Анатолия Погребного:

«Почему даже в самом Киеве некому дать в рыло тем украиноненавистническим скотам, которые уже и ноги положили на украинский стол и не прочь нас, таких добрых и хлебосольных, начиная с Президента отправить на нары».

Вот такая «высшая педагогика»: не хочешь отречься от своего родного русского языка и переходить на полонизированную «мову» – получай в рыло! До какой же подлости, до какого уровня нравственного и интеллектуального убожества нужно опуститься, чтобы писать и громогласно проповедовать такие идеи.

Представьте хоть на миг, что нечто подобное сказал бы об украинцах кто-нибудь из нас, русскоязычных граждан. Какой бы вселенский поросячий визг подняли бы наши национал-шовинисты! Об этом можно лишь догадываться хотя бы по тому факту, что даже вполне безобидное упоминание об украинской гастрономической склонности к салу в кроссворде газеты «Москов-

ский комсомолец» (издаваемой, как известно, отнюдь не русскими людьми), вызвало столь гневную радиоотповедь профессора Анатолия Погребного, что человек, специально не подготовленный к восприятию особенностей националистической пропаганды, мог бы предположить, что речь идет, по меньшей мере, об объявлении Россией войны Украине.

Обратите внимание на характерный факт: русскоязычные граждане Украины выступают за полное равноправие двух наших исторических языков – украинского и русского. В противоположность этой безупречной с точки зрения здравого смысла позиции, украинские националисты категорически требуют господствующего положения украинской мовы и полного изгнания русского языка. Вот вам иллюстрация того, что кругозор, мировоззрение и даже интеллект сторонников двуязычия выглядят предпочтительнее.

По данным статистики на 1.01.1991 г. на территории Украины проживали: украинцев – 19 млн. человек, русских – 14 млн., русско-украинцев (от смешанных браков) – 20 млн., прочих национальностей – около 3 млн. человек. Выходит, на момент провозглашения независимости народ Украины на 66% состоял из неукраинцев. И эта цифра в точности совпадает с реальным распространением у нас русского языка:

«Украинский язык, имея бумажно-государственный статус, таковым не является на 2/3 своей территории».⁴⁷

⁴⁷ «Вечерний Киев» от 9.12.94.

«Сегодня 60-70 процентов украинцев отреклись от родного языка».⁴⁸

И хотя перед нами все то же безграмотное отождествление понятий «этнический» и «родной» язык, тем не менее, ясно видно, что подавляющее большинство граждан Украины русскоязычно. Не считаться с этой реальностью – значит бездумно отталкивать большую часть населения от самой идеи государственной независимости. В самом деле, зачем людям государство, в котором заставляют отречься от своего родного языка?

Я уже приводил мнение профессора Гарвардского университета в США Романа Шпорлюка о том, что наибольшая опасность для украинской государственности исходит от «языковых фанатиков» – недалеко-видных «украинизаторов». Еще он писал в газете «Московские новости» № 32 за август 1993 г.:

«Если Украинское государство хочет завоевать и сохранить лояльность своих русскоязычных граждан, оно должно привязать их к Украине. Пусть на Украине будут лучшие русские театры, университеты, школы. Чтобы русские, которые являются гражданами Украины, не желали, чтобы к ним пришла Россия».

Однако наши «языковые фанатики» действуют в прямо противоположном направлении, продолжая всеми силами отталкивать русскоязычных граждан от общегосударственной идеи.

⁴⁸ «Вечерний Киев» от 21.12.94.

«Где вы видите, человече, что русский язык из Украины выгоняют? Вы что, издеваетесь над нами, украинцами?» – фарисейски вопрошает меня один из наиболее активных фальсификаторов нашей истории в националистическом духе пан В. Шевчук. А вот где.

Рвущиеся к власти националистические силы устами своего экс-руководителя В. Корчинского обещают нам, русскоязычным гражданам за употребление только одного русского слова отрубать один палец, за два – руку, за три – голову. Глава Конгресса украинских националистов пани Слава Стецько гневно протестует против трансляции по украинскому радио несколькоминутного блока новостей на русском языке. По ее словам «это вызывает справедливое возмущение украинцев Поднепровья и Галичины, которое может привести к стихийным акциям протеста» и «углубит противостояние между отдельными регионами Украины». (В. К. от 25.05.95).

Характерно, что многочасовые трансляции по одному из каналов нашего телевидения блоков новостей на английском языке никакого гнева у пани Стецько не вызывает. Пусть, мол, говорят на любом языке, хоть на китайском, лишь бы не на русском.

Вспоминаются обещания Вячеслава Черновола о том, что в независимой, самостийной Украине русские будут жить лучше, чем в России, евреи лучше, чем в Израиле. Что же мы имеем сейчас? Русских и русскоязычных граждан стараются лишить их родного языка, а евреи в массовом порядке уезжают

в Израиль, Германию, Америку – куда угодно, лишь бы подальше от националистического «рая».

* * *

Данная работа написана в защиту нашего исторического двуязычия. Те, кто в националистическом ослеплении стремится это двуязычие упразднить, подрывает саму идею государственной независимости– межнациональное согласие.

Напрасно они рассчитывают заставить русскоязычных граждан отречься от своего языка, от двуязычия. Если же эти граждане (а их две трети всего населения Украины) будут поставлены перед невозможностью дальнейшего существования русско-украинского двуязычия и необходимостью перехода только на один язык, то они, безусловно, выберут свой родной русский язык.

Чтобы этого не случилось, нужно наше двуязычие узаконить точно так же, как узаконены наши государственные границы. Любая попытка изменить языковую ситуацию должна приравниваться к попыткам пересмотра реально существующих государственных границ. Последствия могут оказаться полностью противоположными задуманному.

Данная работа написана в защиту нашего исторического двуязычия. Те, кто в националистическом ослеплении стремится это двуязычие упразднить, подрывает саму идею государственной независимости– межнациональное согласие.

Напрасно они рассчитывают заставить русскоязычных граждан отречься от своего языка, от двуязычия. Если же эти граждане (а их две трети всего населения Украины) будут поставлены перед невозможностью дальнейшего существования русско-украинского двуязычия и необходимостью перехода только на один язык, то они, безусловно, выберут свой родной русский язык.

Чтобы этого не случилось, нужно наше двуязычие узаконить точно так же, как узаконены наши государственные границы. Любая попытка изменить языковую ситуацию должна приравниваться к попыткам пересмотра реально существующих государственных границ. Последствия могут оказаться полностью противоположными задуманному.

